

• P. a. mss. 97 a

2481 n/70

к

~~№ 1856~~

5186.

ПѢСНИ О СИБИРИ

Р. о. тисл. 91 а

В. МИХЕЕВА.

22779
~~78659~~
65981

2149

48 а

МОСКВА.

Типографія М. Г. Волчанинова (бывш. М. Н. Лаврова и К^о)
Леонт. пер., домъ Лаврова.

1884.

79/72/743

160 11

11

Bayrische
Staatsbibliothek
München

III

ПѢСНИ О СИБИРИ.

IV

Im Vaterlande
Schreibe, was dir gefällt:
Da sind Liebesbande,
Da ist deine Welt.

Goethe.

О чемъ угодно
Пиши въ странѣ родной:
Тамъ связь любви природной,
Тамъ—міръ твой.

Гёте.

VI

СОДЕРЖАНІЕ.

	Стр.
Предисловіе.	V
Посвященіе.	VII
Слѣды.	1
Цыганка.	3
Кошмаръ въ лѣсу.	5
Землетрясенія.	7
Байкаль.	10
На заимкѣ	12
Черемуха	14
Лѣсная мелодія	15
У ледянаго озера	17
Идолы.	19
Хамархàнть	22
Дочери Мункò. ✓	27
Пѣсни бурята.	30
Оморòча.	33
Сѣверный олень.	38
На ургонàхъ	40
На шйтикѣ	44
Сынъ дезертира. ✓	46
Ленскія щеки	50
Двѣ рѣки	53
Пàвозокъ	56
Сахарбей	62

	<i>Стр.</i>
Тайга	65
Бочка	67
Красная лилія.	69
Спиртоносъ Патрушевъ	71
Старая казарма	83
Запѣвало.	88
Таёжная опричнина	96
Аутодафе.	101
Черезъ мракъ къ свѣту.	104
Первый Спасъ.	110
Новосёлы	115
Непомнящіе	120
Амурская труба.	135
Уроки музыки . ✓	152
Враги	157
Ряженые. ✓	159
Князья. ✓	165
Друзья шайтана	168
Ночлежный домъ	172
Старый храмъ.	177
26 октября 1881	179
На вершинѣ Урала	180
Семейная сцена.	182
Пѣсни о Сибири.	184
Примѣчанія	189

Пѣсни и Сибирь, Сибирь и поэзія! Кажется одной изъ двухъ,—и которой угодно,—достаточно, чтобы читатель не совсѣмъ охотно взялся за эту книгу.

Да, несомнѣнно: и далекій край, и литературное проявленіе одной изъ сторонъ человѣческой жизни теперь если не въ загонѣ, то въ забросѣ. Не стану роптать на это, не стану защищать ни той, ни другой; но съ искреннимъ сочувствіемъ къ обѣимъ, сочувствіемъ сына одной и работника другой,—помогу имъ въ этой книгѣ подать другъ другу руки: лучшее, что остается двумъ забытымъ, и не на лаврахъ почившимъ въ этомъ забвеніи.

Охотно вѣрю въ право читателя забыть и поэзію, и мою родину; охотно признаю многое, что такъ всецѣло владѣетъ его, не совсѣмъ весѣлой въ настоящее время, душой. Но тѣмъ охотнѣе вѣрю, что почва, на которой я свелъ Сибирь и поэзію, краски и черты, которыя даетъ первая второй, звуки, которыми отвѣчаетъ вторая,—не вовсе чужды помянутому „многому“...

Повѣтъ ли на читателя глубиной тайги, нашего сибирскаго лѣса; блеснетъ ли ему бѣлизна нашихъ снѣговъ; войдетъ ли онъ со мною въ юрту инородца; спустится ли въ пріисковую шахту; встрѣ-

титъ ли ссыльнаго, поселенца, или переселенца,—вѣрю, что во всѣхъ этихъ случаяхъ читатель найдетъ въ себѣ чело^вѣ^ка,—существо, которому доступны: природа и чело^вѣ^къ, красота и страданіе, трепеть души и „проклятые вопросы“...

Да, я вѣрю, что не одну Сибирь и не одну поэзію найдетъ читатель въ этой книгѣ. Но желалъ бы вѣрить и въ то, что и ихъ онъ въ ней найдетъ, и не оттолкнетъ.

Если же послѣдняго не случится,—всей душой желалъ бы увѣрить читателя, что не Сибирь, и не поэзія виновны въ томъ, а эта слабая книга и *ея авторъ*.

Авторъ.

1883. 7 декабря.

С а р а н а—царскія кудри, красная лилія.

Вамъ, земляки, я посвящаю
 Мой слабый трудъ, мой первый трудъ,
 И въ васъ—тому родному краю,
 Гдѣ грезы прошлаго живутъ,—
 Гдѣ вы, какъ я, быть можетъ, жили
 Ребенка жизнію вполнѣ
 И незамѣтно находили
 Отраду въ темной глубинѣ
 Глухаго лѣса, въ блескѣ снѣга
 И въ аломъ отблескѣ саранъ;
 Гдѣ на покосѣ, въ часъ ночлега,
 Росистый нѣжилъ васъ туманъ,
 И поселенца, иль бурята,
 Иль полу-финна остяка
 Съ рукою вашею когда-то
 Встрѣчалась грубая рука;—
 Гдѣ вы, какъ я, быть можетъ, знали
 Движенья первыя ума—
 Понять, въ чемъ радость, въ чемъ печали,
 Въ чемъ ложь и правда, свѣтъ и тьма.—

И въ васъ тѣмъ жарче посвящаю
 Я, земляки, мой первый трудъ

Россіи всей—родному краю,
Гдѣ наши чаянья живутъ;
Гдѣ нашъ языкъ возникъ впервые
Средь вольныхъ дебрей и полянъ;
Гдѣ зрѣли боли вѣковыя
Родныхъ Сибири русскихъ ранъ;
Гдѣ наша кровь лилася въ предкахъ;
Гдѣ подаваема была
Намъ чужеземщина въ объѣдкахъ
Съ ея параднаго стола,
И дорогъ былъ иной, и скудно,
Но вѣрно выбранный кусокъ;
Гдѣ жить нерѣдко было трудно,
Но гдѣ не жить не всякій могъ;—
Гдѣ никогда не умолкали
Въ движеньяхъ сердца и ума
Родныя радости, печали,
И ложь и правда, свѣтъ и тьма!...

С Л Ъ Д Ы.

Ясный день. Бѣгутъ лошадки ровно.
Мягкій снѣгъ, подъ взмахами копытъ,
Раздается съ ласкою любовной
И слегка взлетаетъ и скрипитъ.
Лучъ весны ужъ крадется по снѣгу,
Зелень хвоевъ темную согрѣвъ.
Ѣдемъ мы, и тихо вторить бѣгу
Ямщика задумчивый напѣвъ.

Ѣдемъ мы опушкою лѣсною.
Снѣга гладь, какъ мягкая постель,
Облегаютъ бѣлой пеленою
И сосну, и сумрачную ель.
И стоять въ нѣмомъ великолѣпьи
На краю ихъ стройные ряды.
А въ снѣгу и розсыпью, и цѣпью
Сѣтъ плетутъ извилины-слѣды.

Всѣхъ крупнѣй, уходитъ вереницей
Длинный слѣдъ—за тропкою тропа:

Волкъ бѣжалъ свирѣпо за волчицей —
То его тяжелая стопа.
Дальше слѣдъ: и круглъ, и остороженъ
Онъ идетъ, какъ ямокъ полоса;
Лапкой мягкой нѣжно онъ проложенъ:
За лисой здѣсь кралася лиса.

Вотъ слѣды — раскиданная грядка,
Словно кто въ испугѣ ихъ ронялъ:
Ихъ кидая всюду безъ порядка,
Здѣсь зайчиху заяцъ догонялъ.
И, ища у лѣса сердцевины,
Въ чащѣ лѣса тонуть всѣ слѣды.
И, какъ стражи, сосны и осины
Замыкають стройные ряды...

И стоятъ, таинственны и строги,
Въ серебрѣ и сумракѣ лѣса;
А за ними горные отроги
Алтарями всходятъ въ небеса;
И, горя на синемъ небосводѣ,
Пламя солнца жжетъ издалека...
Все властнѣй безмолвіе — въ природѣ,
Заунывность — въ пѣснѣ ямщика...

Цыганка.

Жаркимъ югомъ вѣтъ жгуче
Щекъ безкровныхъ желтизна,
И на станъ упала тучей
Кость разбившихся волна.
Потонувъ въ бровяхъ глубоко,—
Словно зрѣтъ въ нихъ гроза,—
Неподвижностью востока
Меркнуть черные глаза.
И, темны, упавъ какъ плети,
Руки мнутъ одежды край...

Протянувши руки эти,
Не шепчи мнѣ: Погадай!
Полубредомъ предсказанья
Обольстительно не лги...
Сбереги очей молчанье,
Неподвижно сбереги
Подъ разодранною шалью
Стана смуглаго изгибъ.

Видишь: травы слиться съ далью
Въ плавномъ трепетѣ могли-бъ;
Но безсильно, чуждѣ движенью,
Въ жаждѣ стебель ихъ зачахъ:
Золотистой слабой тѣнью
Словно таетъ онъ въ лучахъ...
Безъ конца по кругозору
Въ солнцѣ дремлетъ степи ширь,
Словно грезить въ эту пору
Югомъ дальнимъ въ ней Сибирь...

Стой же тихо, и на фонѣ
Золотой высокой ржи—
Смуглымъ станомъ въ томномъ склонѣ
Эту грезу доскажи!....

Кошмаръ въ лѣсу.

Какая глушь! лѣса, лѣса и горы,
Да воды рѣкъ...
Находятъ отдыхъ взоры,
И глубже дышетъ человѣкъ.
Такъ далеки волненія столицы,
Безумный ихъ кошмаръ,
Безумныхъ дѣлъ былия небылицы,
Безумныхъ мыслей жаръ,—
Запросы дня, волненія минуты,
Страданія годовъ,—
Неразрываемыя путы
Какъ будто рвущихся оковъ...

Глядишь во мглу незыблемаго бора,
Ласкаетъ зелень глазъ,
И для души, для памяти и взора —
Раздумья часть...
Глядишь, внимая своему безмолвью,
А думы все растутъ,
И тишина владѣетъ кровью.

Деревья вѣтви гнутъ
Надъ головой твоей печальной,
И тѣнь вѣтвей,
Какъ призракъ тучи дальной,
Ползетъ надъ ней.

И, блѣденъ весь, вдругъ въ сумракѣ зеленомъ
Поднимешь къ небу взоръ,
Готовъ отвѣтить стономъ
Ему въ упоръ...

Средь этой тихо дремлющей природы,
Вдали людей,
Еще яснѣй ихъ бѣды и невзгоды...

Какъ будто змѣй
Скользитъ въ тиши извивами удава
Съ вершинъ деревъ;
А въ заросли и грозно, и лукаво
Таится левъ

И, грудью къ травамъ припадая,
Готовится къ прыжку.—
И ѣдешь, грезя и впадая
Въ знакомую тоску...

И вновь встаютъ былыя небылицы,
Безумныхъ мыслей жаръ;
И въ пульсѣ пульса той же все столицы
Стучитъ ударъ.

О слишкомъ ты безмолвна и жестока
И слишкомъ много говоришь,
Природы вѣчной и глубокой
Загадочная тишь!

Землетрясенія.

Испыталъ въ глубокомъ дѣтствѣ
Я ударъ землетрясенья:
Словно близко гдѣ въ сосѣдствѣ
Шло подземное волненье;
Шло и глухо назрѣвало
И таилося не даромъ:
Тихимъ грохотомъ ставало,
Стало тягостнымъ ударомъ.
Вся земля поколебалась,
И кресты упали съ храмовъ.
Сотрясенье повторялось
Утомительно упрямо,
И за щелью щель на стѣнахъ
Раздвигалась съ размаха...
Гнулись мальчика колѣна
Отъ волненья, не отъ страха...

Позже — въ юношествѣ жгучемъ
Я иные зналъ удары:
Сотрясеньемъ неминучимъ

Дерзкой мысли злыя чары
Въ глубинѣ души свободной
Безвозвратно открывали
Въ мракѣ жизни всенародной
Свѣта полныя печали;
И, подкопаны упрямо
Темнымъ трепетомъ сомнѣнья,
Пали вдругъ съ душевныхъ храмовъ
И кресты и украшенья;
И рвались оковы плѣна
Мысли пламенной и гордой...
Не сгибались колѣна,
И уста сжимались твердо...

И иные зналъ удары
Я и въ юности, и нынѣ:
Разцвѣтали пѣсенъ чары,
Какъ цвѣты въ нѣмой пустынѣ;
Въ сердцѣ, жаждущемъ участя,
Были пѣснями — молитвы...
Грезы, дышащія страстью,
Какъ мечи во время битвы,
Сотрясались и горѣли,
Звали къ смерти и побѣдамъ...
Какъ въ стѣнахъ разбитыхъ щели —
Сердца раны, слѣдъ за слѣдомъ,
Оставляли знаки плѣна,
Знаки рукъ жестоко милыхъ...
Гнулись трепетно колѣна,
Гасла гордость, гасли силы...

О, страна землетрясеній!
Видно, сынъ я твой не даромъ:
Я люблю моихъ мученій
Пламя съ блескомъ и угаромъ;
Я люблю въ нихъ ожиданье
Грозной бури въ вихрь маломъ...
Ты, мой край,—гласить преданье,—
Кончишь дни свои проваломъ,
И, ударами встревоженъ,
Надъ тобой Байкаль сомкнется.
Но, — гласить преданье то же —
Только буря соберется,
Съ ней въ борьбу Байкаль вступаетъ,
И въ борьбѣ лишь, въ грозномъ спорѣ —
Все, что мертво, — извергаетъ
Изъ себя Святое Море.

Байкаль.

Т а й г а́—дикая лѣсная мѣстность.

Выль Байкаль. Ребенкомъ малымъ
Я хватался за борта:
Судно спорило съ Байкаломъ.
Волнъ вскипавшихъ высота
Мнѣ въ лицо кидала пѣну.
Я былъ твердъ и этимъ гордъ,
И покинуть въ страхѣ бортъ
Почиталъ бы за измѣну...

Не ребенокъ я, Байкаль,
И пришелъ къ тебѣ я снова.
Ледяного не срывалъ
Ты съ груди еще покрова;
И съ презрѣньемъ ледъ нѣмой
Говорилъ мнѣ въ ту минуту:
— Что, загнало, братъ, въ каюту
Васъ житейскою волной!

Лучше шелъ бы ты по склону
Горъ моихъ въ мою тайгу:
Ранъ души я не затрону,
Ну, а душу сберегу.
Поведу съ тобой, какъ съ сыномъ,
Рѣчь о дѣтствѣ объ одномъ....
И заискрилось по льдинамъ
Солнце яркимъ серебромъ...

И, казалось, въ этомъ блескѣ
Таетъ ледъ, встаетъ волна,
И въ глухомъ грохочетъ плескъ
Ледяная глубина:
— Иль опять бѣги отсюда
Быть чужимъ въ своей борьбѣ....
Я же встану изъ подъ спуда
Смѣлой бурей вслѣдъ тебѣ.

На заимкѣ.

Заимка—дача.

О скажи мнѣ, старый садъ,
Почему такъ сердце бьётся,
Почему не оторвется
Отъ глухой аллеи взглядъ?
Ты назначень на продажу,
Хладнокровно оцѣнёнъ...
Почему же, сердца стонъ,
Я съ тобой никакъ не слажу?..

Но молчить деревъ стѣна;
Въ томъ молчаньи нѣтъ укора.
Вся бесѣдка безъ призора
Разрушенью предана:
Въ ней лишь видно паутину
Старожила паука.
И украдкой, и слегка
Старый прудъ собираетъ тину.

Все старѣетъ и молчитъ.

Говорить во мнѣ лишь дѣтство,
Жизни прѣжитой наслѣдство
Говорить, и говорить:
— Много чувствъ и помышлений
Ты невольно продавалъ,
И упорно умолкалъ
Съ каждымъ торгомъ Дѣтства Геній.

Будь доволенъ ты и тѣмъ,
Что, страдая, не старѣетъ,
Разрушаясь, только зрѣетъ
Геній тотъ, угрюмъ и нѣмъ,
И съ молчаньемъ часто рядомъ
Бережетъ нѣмую рѣчь
Для немногихъ рѣдкихъ встрѣчъ
Съ неподкупнымъ старымъ садомъ...

Черемуха.

У берега милой, родимой рѣки
Съ роднаго я дерева вѣтку сорвалъ;
Посыпались снѣгомъ съ цвѣтовъ лепестки,
И снѣгъ этотъ руку мою осыпалъ.

И бережно снѣгъ тотъ сжималъ я рукой...
Не таялъ онъ, таяло сердце мое:
Проснулося все, что дарило тоской,
Что радость сулило — проснулося все.

Проснулось и дѣтство у милой рѣки,
И юность въ столицѣ большой, и тѣ дни,
Что такъ недалёки и такъ далеки,
Такъ схожи съ цвѣтами въ лѣсистой тѣни...

И таяло сердце, — и всею душой
Украсить желалъ въ упоеньи тоски
Я черныя кудри въ столицѣ большой
Черемухой бѣлой съ родимой рѣки....

Лѣсная мелодія.

К о з а — дикая коза (косуля) оленьей породы.

Лѣсъ глубокій. Здѣсь то козы
Клонятъ въ бой свои рога,
Лишь осенніе морозы
Тронутъ инеемъ луга; —
Въ томъ бою рога роняютъ
И подругъ они берутъ. —
Травы нѣжно оттѣняють
Рогъ упавшій тамъ и тутъ...

Подними его — невольно
Взглянешь ты въ лѣсную тьму. —
И плѣнительно и больно
Будетъ взгляду твоему
Ждать все тише, неподвижнѣй:
Не скользнетъ ли гдѣ коза,
Не затеплятся ли въ ближней
Чащѣ тихіе глаза,

Не замрётъ ли безотвѣтно
Въ чуткомъ страхѣ легкій шагъ...

И, забывшись незамѣтно,
Ты подъ дерево прилягъ,
Объ иной уже походкѣ
Греза въ сумракѣ вѣтвей,
Объ огнѣ лукаво — кроткихъ
Человѣческихъ очей....

У ледянаго озера.

65981
Въ росѣ весь, какъ бархатъ зеленый,
Мохъ сочный на высахъ лежитъ;
Хвой рощи, лучемъ озаренный,
Онъ, паромъ дымясь, освѣжить.
И влагой, тепломъ и прохладой
Весь дышетъ-волнуется паръ;—
И роща приѣмлетъ съ отрадой
На вѣтви и влагу, и жаръ...

Но зорко въ горахъ укрываетъ
Озёра отъ солнца она,
И тѣнью деревъ отливаетъ
Не тающихъ льдовъ пелена.
Здѣсь холодъ стоитъ подъ вѣтвями,
Здѣсь вѣтви въ росѣ серебромъ
Застыли, и никнетъ иглами
Тяжелая вѣтвь надо льдомъ...

Ложатся здѣсь синія тѣни
Отъ зелени темной на ледъ...

Здѣсь память былыхъ огорченій
Мучительно сладкой стаетъ;
И видишь, что прежнія боли
И отблески новыхъ отрадъ,
Какъ зелень и ледъ,—поневоля
Другъ друга въ душѣ сторожатъ...

Сомнѣнья надежду туманятъ,
Себя такъ мучительно жаль...
И вѣришь, что счастье настанетъ,
И знаешь—настанетъ печаль...
И нѣжно такъ ледъ голубѣтъ
Въ тѣни отъ зеленыхъ вѣтвей,—
И тихо такъ вѣтка слабѣтъ
И никнетъ, застывъ, тяжелѣй...

И Д О Л Ы.

Б у р я т ь—туземецъ монгольскаго племени.

Идетъ по лѣсу тихое дыханье,
Порывомъ вѣтра весь охваченъ онъ.
Стволы встрѣчаютъ важнымъ колыханьемъ
Стволовъ сосѣднихъ ропотъ и поклонъ.
То вся застывъ зелеными стѣнами,
То будто вся проснувшись ото сна,
Шумить листва текучими волнами:
Бѣжитъ по ней воздушная волна...

Проникнуть въ глубь лѣсную солнцу трудно,
Но вѣтеръ въ ней прогалины открылъ:
Раздвинувъ боръ, дремавшій безпробудно,
Онъ солнца лучъ невольно пропустилъ.
И ясный лучъ въ таинственныхъ предѣлахъ
Затеплился отрадной теплотой
На челюстяхъ сурово помертвелыхъ:
Тамъ конскій черепъ, тяжкій и пустой,

Повѣшенъ былъ надъ шкурой лошадиной;

И тяжко вѣтеръ шкурой шелестѣлъ,
Какъ будто звукъ печальный и единый
У ней извлечь томительно хотѣлъ.
Но этотъ звукъ средь тихаго шептанья
Листвы зеленой, полной тайныхъ грѣзъ,
Былъ шорохомъ глухаго колебанья
И холодъ смерти по лѣсу пронесъ.

И солнца лучъ, спускаясь по оскалу
Зубовъ остывшихъ къ впадинамъ очей,
Ихъ бѣлизну, подобную опалу,
Напрасно жаждалъ тронуть горячѣй,
Напрасно въ сгибахъ кости утопая,
Онъ поцѣлуемъ жаркимъ ихъ обжегъ:
Сіяла кость лишь холодомъ—слѣпая—
Ума слѣпаго жертва, иль божокъ...

А лѣсъ вокругъ парчей своей зеленой
Мерцалъ, какъ изумрудомъ, въ полумглѣ;
Сосна свѣтлѣла ѳглистой короной,
Поднявъ ее на трепетномъ стволѣ;
И ароматъ смолы до опьяненья
Лился сквозь язвы плачущей коры:
Янтарныхъ слезъ кипѣло въ ней скопленье,
Обильно выступало отъ жары...

И лѣса тишь, казалось, въ тихомъ шумѣ
Дышала глубже, строже и властнѣй...
И грезилъ я:—въ лѣсу, въ безмолвной думѣ,
Охваченъ весь мельканіемъ тѣней,

Весь опьяненъ смолистымъ ароматомъ,
Былъ человѣкъ съ открытой головой,—
И черепъ конскій жилъ передъ бурятомъ
Со шкурой конской жизнью живой.

Буряты стоялъ. Блѣднѣли смугло щеки,
Въ косыхъ глазахъ мерцалъ священный страхъ.
А по деревьямъ, тяжкій и широкій
Далекой бури двигался размахъ.
Паль ницъ буряты... И грезилъ я невольно,
Что то не онъ, а самъ я ницъ лежу,
И, весь въ молитвѣ, трепетно и больно
И ужасъ, и отраду нахожу...

О, не тебѣ молюсь я, черепъ бѣлый!—
Тебѣ, природа, полная чудесъ,
Тебѣ, о мохъ, сухой и посѣдѣлый,
Тебѣ, о кедръ, достигшій до небесъ!
И я молюсь, и все жъ не вѣрю счастью,
Что я природы жизнью лишь уныюсь,—
Что я не смерти тайному безстрастью,
Не шкурѣ, и не черепу молюсь!...

Х а м а р х а н ъ.

Р о г а т а я в и н т о в к а — в и н т о в к а с ѣ п о д с т а в к о й н а
п о д о б і е р о ж е к ѣ .

Ю р т а — ж и л и щ е б у р я т ѣ .

А р б а — д в у х к о л е с н а я т е л ѣ г а .

Б а ч к а — с о к р а щ е н н о е « б а т ю ш к а » .

Д а б н н ы й — и з ѣ д а б ы , с и н е й б у м а ж н о й м а т е р і и .

У л у с ѣ — б у р я т с к о е с е л е н і е .

Я п о м н ю : с т о н а л а п о п а ж и т я м ѣ б у р я ,
С о з л о б о й г л у х о ю н е с л а с ѣ п о л ѣ с а м ѣ .
И н е б о , с у р о в ы я о ч и н а х м у р я
И б о р ѣ о с в ѣ щ а я , — б е з м о л в н ы й , к а к ѣ х р а м ѣ ,
В ѣ м и н у т у з а т и ш ѣ я и г р о м а , и в ы ю г и , —
К и д а л о н а м ѣ м о л н і и п р я м о в ѣ г л а з а .
И в д р у г ѣ с л о в н о с ѣ н е б а у п а л а с л е з а ,
И т р а в ы н а г н у л и с ѣ , к а к ѣ б у д т о в ѣ и с п у г ѣ :
И х ѣ л и в н е м ѣ и г р а д о м ѣ ж е с т о к о с ѣ к л о ...
А д а л ь н ы й к р а й н е б а с і я л ѣ у ж ѣ с в ѣ т л о ...

С б и р а л и г р и б ы м ы . Н а ш ѣ т а б о р ѣ с м у щ е н н ы й ,
П р о м о к ш і й д о н и т к и , с п ѣ ш и л ѣ у ж ѣ д о м о й .

Къ кострамъ потухавшимъ слетались ворóны,
И лошади ржали, тряся головой.
И вдругъ, изъ глубокаго тихаго бора,
Оттуда, гдѣ козы дѣтей сторожатъ,
Ступая беззвучно и ловко, и споро,
На встрѣчу намъ вышелъ охотникъ бурятъ.
Махая рогатой своею винтовкой,
Онъ отдалъ поклонъ угловато-неловко.

Въ кожанѣ потертомъ, безъ шапки, босой,
И ростомъ, и видомъ комично-невзрачнымъ,
Казался онъ духомъ зловѣщимъ и мрачнымъ.
Лишь глазъ его маленькихъ вырѣзъ косой
На личикѣ желтомъ, скуласто широкомъ,
Лукавъ, добродушенъ и радостенъ былъ.
И, радуясь, всякій невольно забылъ
О мокрой одеждѣ, о домѣ далекомъ...
И ножки кривыя пошли семенить...
Тянулся ихъ слѣдъ—аріаднина нить—

По мокрой травѣ, и, за нимъ поспѣшая,
Достигли мы юрты,—обсохнуть вошли:
На небо дыра открывалась большая;
Средь пола—сухой и убитой земли—
Дымился костеръ, и за клубами клубы
Кидалъ сквозь отверстіе на небо дымъ.
Изъ сосенъ подрубленныхъ сбитое грубо,
Обтянуто кожами,—видомъ своимъ
Казалось намъ раемъ жилище бурята.
Подъ кровомъ желаннымъ мычали телята,

И грязныя дѣти ползли по землѣ.
Деньгами гремя, какъ хохлуша монистомъ,
Возилась бурятка въ углу, въ полумглѣ;
И въ чашкѣ сосновой, большой и нечистой,
Она поднесла намъ вино-тарасунъ
И а́рсу-питье: все дары кобылицы.
И тутъ же обломанной а́рбы ступи́цы
Лизалъ, словно медъ, жеребенокъ-сосунъ,
И, матери сонной дѣтенышъ примѣрный,
Слѣпней онъ отмахивалъ хвостикомъ мѣрно.

Одежда сушилася быстро у насъ.
Все ярче и ярче костеръ разгорался.
Хозяинъ съ гостями шутилъ и смѣялся:
Блестѣла лишь пара лукавая глазъ;
Со лба, изъ подъ черныхъ и жестко-короткихъ
Волосъ упали и влага, и потъ.
Изъ фляги хлебнулъ онъ у путниковъ водки,
Засунулъ свою носогрѣйку онъ въ ротъ
И, у́гли въ ней щупая пальцемъ корявымъ,
Старался казаться смѣшливо лукавымъ...

Весь мокрый, какъ былъ, не сушась—не бѣ-
да!—

За поясъ заткнулъ у кожана онъ полы;
И, маленькій, грязный, но добрый, веселый,
Шутилъ онъ со мною, ребенкомъ тогда.—
На корточки сѣлъ онъ:—Что, бачка, штанишки
Сушила?—кряхтѣлъ онъ, курия предо мной.
И въ руки, въ утѣху, еловыя шишки
Совалъ мнѣ усердно одну за одной

И, ими играя, кидалъ на ладоняхъ
И мнѣ толковалъ о козуляхъ и коняхъ...

Любуясь костромъ, я бурята спѣшилъ,
Что сухъ я и веселъ—вполнѣ успокоить.
А онъ уже порцію водки удвоить
Униженно-робко у старшихъ просилъ;
И съ гордостью тутъ же показывалъ сына:
Ребенокъ былъ грязень, уродливъ и голъ,
Но крѣпокъ и гибокъ, какъ въ полѣ талина...
Но солнце сіяло, и ливень прошелъ,
И мы уѣзжали. Доволенъ и пьянъ,
Смѣялся блаженно намъ въ слѣдъ Хамарханъ.

Года промелькнули, и снова все тоже
Увидѣлъ лицо я, и снова на немъ,—
На этой скуластой, смѣющейся рожѣ
Глаза загорались лукавымъ огнемъ;
Въ своемъ полушубкѣ вонючемъ и рваномъ,
Въ лоснящихся дегтемъ дабинныхъ штанахъ,
Съ короткою трубкой въ блестящихъ зубахъ,—
Все тѣмъ же явился онъ мнѣ Хамарханомъ;
Лишь сталъ онъ съ годами какъ будто грязнѣй,
Наивно-болтливѣй и нагло-пьянѣй...

Года промелькнули: и бурей иною
Иною грозою дышали они...
Тѣснимся, какъ таборъ, мы смутной толпою,
Воробы, ликуя, садятся на пни,
У нашихъ костровъ потухающихъ грѣя

Зловѣщія крылья и роясь въ золѣ.
И снова я вижу вождя-чародѣя,
Ведущаго къ юртѣ — согрѣться въ теплѣ; —
Забытаго, грязнаго вижу бурята...
И сердце страдаетъ и горько, и свято...

Я бѣдныя, грязныя вижу толпы,
Я цѣлыя вижу степные улусы...
Отравлены праздностью нищей ихъ вкусы:
Корыстной наживы лазейки-тропы
И въ дебри проникли, и тамъ поднимаютъ
Къ устамъ обездоленнымъ дикій дурманъ!
И дѣтства картины во мнѣ возникаютъ,
И ласки, и шутки твои, Хамарханъ!..
И мнѣ предстаешь ты въ страданьи знакомомъ
Ироніи горькой смѣющимся гномомъ...

Д о ч е р и М у н к о .

Посвящается И. С. Стрѣкаловскому.

М а р ж а н ь—красное ожерелье.

Д а б а—бумажная матерія.

К а л ы м ь—свадебный выкупъ за невѣсту.

Старый бурятъ—сѣдовласый Мункò;

Дочери три у него;

Въ дальней степи между горъ глубоко

Юрта дымится его.

Русскій однажды въ ту юрту зашелъ:

Золота шелъ онъ искать.

Ласку, радушье онъ въ юртѣ нашелъ;

Легъ онъ немедленно спать.

Только къ постели подходитъ Мункò.—

Снявъ рукавицу съ руки,

Молча Мункò набивалъ глубоко

Въ трубку свою корешки.

Молча и долго онъ ротъ вытиралъ,

Молча затылокъ чесалъ,

Молча съ улыбкой кисеть подобралъ,
Плюнулъ Мункò, и сказалъ:

Дѣвки—ихъ три молодыхъ у меня—
Въ травы, за юртами тутъ,
Въ степь твоего угоняли коня...
Пусть тебѣ дѣвки споютъ.—
Дочекъ привелъ онъ: на шеѣ маржанъ,
Станъ ихъ въ рубаху одѣтъ,
Жесткія косы ложатся на станъ,
Грудь вся въ подвѣскахъ монеть.

Грязны рубахи изъ синей дабы,
Черны босыя ступни;
Скулы широкія, узкіе лбы;
Очи, какъ въ стѣпи огни,
Робко мерцая изъ по́днятыхъ скулъ,
Меркнутъ въ разрѣзѣ косомъ:
Вѣки зрачекъ ихъ едва растянулъ,
Чернымъ горя огонькомъ.

Взоръ ихъ блеснулъ, и одинъ переливъ,
Дикъ и младенчески грубъ,
Въ стонѣ крикливомъ какъ будто застывъ,
Вышелъ изъ темныхъ ихъ губъ:
«—Русскій желанный, душа молодецъ,
Обликомъ складенъ и бѣлъ;
Вѣлосъ его — какъ волна у овецъ;
Взглядъ его свѣтелъ и смѣлъ.

Яркимъ маржаномъ алѣютъ уста,
Вьется со щекъ борода...
Русскій желанный, душа, красота,
Жить тебѣ вѣки-года!
Степь тебя манить, и путь твой далекъ,
Конь не утратитъ твой силъ...
Русскій желанный, душа гостенёкъ,
Жилъ бы ты съ нами, да жилъ!

Конь твой найдетъ кобылицъ въ табунѣ,
Въ юртѣ постель ты найдешь...
Русскій желанный—повѣришь ты мнѣ,
Русскій, душа—не уйдешь?...»
Пѣли бурятки, а ночь въ синевѣ
Сумрака звѣзды зажгла,
Степь по высокой росистой травѣ
Тихо туманъ подняла...

Пѣли бурятки, все пѣли... Межъ тѣмъ
Взоръ ихъ среди полумглы,
И неподвиженъ, и жалобно нѣмъ,
Словно скрывался въ скулы...
Слушалъ ихъ русскій, и думалъ-гадалъ:
—Жиламъ гдѣ быть золотымъ?—
Слушалъ Мункò ихъ, и думалъ:—не малъ
Будеть за дѣвокъ калымъ!

ПѢСНИ БУРЯТА.

Искусство для искусства.

Принципъ эстетики.

Т а е ж н ы й.—употребляемый на золотыхъ прінскахъ.

У л у с ь.—селеніе бурятъ.

Л а м à.—буддійское духовное лицо.

Ш а м à н ь.—жрецъ шаманства (идолопоклонства).

Идетъ ли онъ степью, иль лѣсомъ онъ бродить,
Внимаетъ ли árбы скрипучимъ колесамъ,
Лѣнивый ли меринъ подъ нимъ не находитъ
Дороги по топкимъ прибрежнымъ откосамъ;
Винтовку-ль съ рогатою ножкой подъ ствóломъ,
Косу ли несетъ онъ, согнувшись сутуло;
Надъ кладью ли гнется въ баркасѣ тяжеломъ,
Ружейное-ль чиститъ онъ шомполомъ дúло;
На тройкѣ-ль гоньбою почтовой онъ занять
И мучить лошадокъ своихъ по наряду, —
Одинъ переливъ повторяя, онъ тянетъ —
Поетъ онъ безъ пѣсенъ, поетъ онъ безъ ладу...

Дорогой онъ видитъ: увлѣжились травы
Горящей на солнцѣ какъ перлы росой,—
И тихо поетъ онъ безъ всякой забавы—
Серьезною нотою — нотой одною:
«Роса на зеленомъ, какъ пламя на черномъ;
Какъ искра на угляхъ, на травахъ росинка...»
И эти слова повторяетъ упорно:
Такъ вьется по стѣпи все таже тропинка...

Онъ пастбище видитъ: табунъ отдыхаетъ,
И бродитъ понуро лѣнливое стадо;—
Онъ пѣснь о росѣ и угляхъ забываетъ,
И съ бѣльшимъ упорствомъ, и съ бѣльшей
отрадой

Поетъ онъ, поетъ, повторяя все тоже:
«Корова теленка пустила подъ брюхо,
Отъ оводовъ лошадь стоитъ на сторожѣ:
И хвостъ подняла, и закинула ухо...»

Деревней онъ ѣдетъ: идетъ изъ харчевни
Степнякъ-мужичекъ съ носогрѣйкой таѣжной;
И съ новою пѣсней въ улусъ изъ деревни
Рысцей онъ трясется уныло-тревожной.
Поетъ онъ: «Идетъ человѣкъ вонъ оттуда,
Идетъ онъ, и выпилъ, и курить дорогой...
Бурятъ на лошадекъ покурить не худо,
А слѣзетъ съ лошадки и выпьетъ немного...»

Въ улусъ онъ пріѣхалъ: зима разыгралась,
Отъ холода онъ и скотина страдаетъ;

Все тѣло бурята отъ холода сжалось,
Зубъ на зубъ отъ дрожи едва попадаетъ...
Ворчитъ на распѣвъ онъ, обвернутый въ шкуры,
И въ угли ногами замерзшими тычетъ:
«Снѣга безотрадны, сердиты и хмуры—
Да солнышко травку зеленую скличетъ...»

Зима миновала: хлопчутъ бурята;
Раскрылись ихъ пашни утробой бурой.
Но ѣдетъ чиновникъ.—Ей живо, ребята,
Справляйте повинности ваши «натурой»:
Дорогу расчисти — казнѣ поработай...
И мнѣ поклониться, небось не упрѣшься...—
Бурятъ напѣваетъ, бредя съ неохотой:
«Чиновникъ уѣхалъ—другаго дождешься!...»

Наѣзжей кокардой жестоко запуганъ,
Сурово напуганъ ламой и шаманомъ,
Дешевымъ презрѣньемъ безмолвно поруганъ,
Опóенъ кабацкимъ дешевымъ дурманомъ;
Въ безлюдной трущобѣ зимою забытый,
Холодной весною скотомъ обездоленъ,
Порою голодный, порой полусытый,
Порой изувѣченъ, порою и боленъ—
И въ тяжелой болѣзни, какъ овцы и кони,
Въ предчувствіи смерти и мукъ безсловесенъ,—
Средь дыма и сырости, грязи и вони —
Поетъ онъ безъ ладу, поетъ онъ безъ пѣсенъ...

Омороча.

Омороча—берестовая лодка тунгусовъ.
Догоръ—товарищъ, пріятель.
Гольцы—голыя скалистыя вершины.
Таймень—крупная рыба.
Камысь—обувь изъ оленьей шкуры.

Плыветъ омороча по тихой рѣкѣ,
Плывутъ тунгусы въ ней догоры.
Лѣса побережья, какъ мохъ, вдаль
Окутали темныя горы;
И въ лунномъ сіяньи блѣднѣютъ гольцы
Своей обнаженной вершиной.
И, весла поднявъ осторожно, пловцы
За стаей слѣдятъ лебединой.

Чуть плещетъ широкій и тихій Витимъ
Въ берестовый бортъ оморочи,
И звѣзды чуть видно мерцаютъ надъ нимъ
Въ мерцаньи безсумрачной ночи.
Какъ день, эта ночь хороша и свѣтла,
Какъ день на Витимѣ, — безмолвна.

И падают капли лѣниво съ весла,
И весла вздымаются ровно...

И, словно внимая чуть слышной волнѣ,
Прикрытый изорваннымъ бреднемъ,
Таймень оглушенный въ той лодкѣ на днѣ
Трепещетъ въ дыханьи послѣднемъ.
И тихо бесѣду ведутъ тунгусы;
Толкуетъ старикъ посѣдѣлый:
Едва шевелятся сѣдые усы,
Вися надъ бородкою бѣлой;

Въ широкія скѣлы легли борозды,
Какъ рытвины въ камень песчаный;
У глаза закрытаго видны слѣды
Глубокой залѣченной раны;
Но столько спокойствія въ глазѣ другомъ
И тихаго счастья свѣтитъ,
Что, слушая чутко въ почтеньи нѣмомъ,
Товарищъ словцомъ не отвѣтитъ.

Безмолвно раскрылъ онъ глаза и уста,
Лишь зубы, какъ кость, его блещутъ;
И тѣни побережья, мѣняя цвѣта,
На обликѣ смугломъ трепещутъ.
Внимаетъ догѣру догѣръ молодой,
Горятъ его глазки какъ щели,—
И, станомъ склоняясь слегка надъ водой,
Весломъ онъ снимается съ мели.

Внимаетъ догѣру догѣръ молодой,
И старый догѣръ повѣствуетъ

О томъ, что знакомство съ великой бѣдой
Потерянный глазъ знаменуетъ;
О томъ, какъ въ глубокой тущобѣ тайги
Онъ крался съ винтовкой кремневой;
Какъ встрѣтились грудью внезапно враги,
Умылись струею багровой...

Въ объятыхъ могучихъ безсильный тунгусъ,
Какъ пойманный ужъ, изгибался
И думалъ невольно: «авось увернусь:
За кáмысомъ ножикъ остался»...
Согнулся онъ въ лапахъ и выхватилъ ножъ,
Имъ сунуль куда то, какъ въ бредѣ...
И,—гдѣ потеряешь ты, тамъ и найдешь—
Охотникъ сидѣлъ на медвѣдѣ...

И всталъ онъ, и кровью весь теплой облітъ,
Искалъ онъ цѣлебныя травы;
И ими лѣчился. — И свѣтелъ былъ видъ
Деревьевъ надъ нимъ величавыхъ...
И, полно проникнуть разговоромъ своимъ,
Казался старикъ великаномъ...
И вторилъ плесканіемъ тихимъ Витимъ,
И бѣлымъ курился туманомъ...

Смотрѣлъ на догора догоръ молодой;
И іскрились глазки какъ щели...
И, тихо вздымаясь надъ синей водой,
Лѣса и высоты синѣли...
Плыла омороча... Вдругъ бѣшенный свистъ

Нарушилъ безмолвье природы,
И дрогнулъ старикъ, какъ осиновый листъ,
И рябью подернулись воды.

И что-то шипѣло въ глухомъ торжествѣ
И грудью несло къ оморочѣ;
И звуки въ загадочномъ томъ существѣ
Ставали все злѣй и короче;
И сыпались искры, и въ зеркалѣ водъ
Сверкали, какъ очи шайтана;—
И грозно, и властно вознесъ пароходъ
Высокую грудь изъ тумана.

Застыли догóры. Въ ихъ глазкахъ косыхъ
Блеснуло недоброе пламя.
Разсказъ старика о медвѣдѣ затихъ,
А все шевелилъ онъ устами...
И трепетно двигались старца уста,
Бородка тряслась въ беспорядкѣ, —
И въ обликѣ блѣдность съ румянцемъ цвѣта
Мѣняли, какъ бы въ лихорадкѣ.

Все трепетно двигались старца уста,
Какъ будто сказать не умѣли...
А въ сердцѣ вставала нѣмая мечта,
И йскрились глазки какъ щели...
И юношей старца нѣмыя слова
Не поняты быть и могли-бы,—
Да зналъ онъ, что здѣсь нагружаютъ дрова,
За водку здѣсь купятъ и рыбы...

И выпьютъ ту водку догóры до дна,
Пусть будетъ ея и излишекъ...
И въ жадности гнулась все ниже спина
У слабыхъ дрожащихъ людишекъ.
И гнѣвная рябь не покинула водъ,
И гнѣвно туманились горы...
И шель-приближался, какъ царь, пароходъ,
И ждали-томились догóры...

СѢВЕРНЫЙ ОЛЕНЬ.

Онъ стоялъ передо мною,
Наклонивъ свои рога;—
И глубокой тишиною
Съ нимъ дѣлилася тайга.
И глаза его нѣмые,
Словно внять спѣшили ей,—
Становились все покорнѣй,
Все задумчиво темнѣй.

И вожакъ стоялъ съ нимъ рядомъ
И ласкалъ его слегка,—
И олень привѣтнымъ взглядомъ
Поглядѣлъ на вожака...
Поглядѣлъ на якутѣ я:
Слабъ и узокъ онъ въ плечахъ,
Но таитъ и умъ, и твердость,
И терпѣніе въ очахъ...

Поглядѣлъ на якутѣ я,
На тебя взглянулъ, олень, —

И по сердцу, замирая,
Пробѣжала грусти тѣнь.
Я взглянулъ на эти горы,
На деревья въ ихъ тѣни:
Здѣсь снѣга сошли недавно,
Скоро лягутъ здѣсь они,

И закроютъ прихотливо
И отлогость, и оврагъ,—
И по снѣгу терпѣливо
Заскрипитъ твой легкій шагъ;
Лыжи легкія помчатся,
Побредетъ въ снѣгу якутъ;
И деревья на морозѣ
Трескъ и жалобы начнутъ...

Убаюканъ этимъ трескомъ,
Съ пухомъ снѣга на очахъ,
Ты пойдешь, залитый блескомъ
Солнца, яркаго въ снѣгахъ;
Ты пойдешь подъ вой бурана,
Ты пойдешь въ морозъ и тишь,—
И къ хозяину все также
Тихій взоръ свой обратишь...

На ургонахъ.

Посвящается Сашѣ и Андрюшѣ Герасимовымъ.

Ходить на ургонà, ургонàчить — разорять
норы полевыхъ мышей.

Сарàна — алая лилія.

Зарóдь — большой стогъ сѣна.

Копарúля — палка для раскапыванія норъ.

Дышетъ цвѣтами все Забайкалье.
Царскія кудри алыхъ саранъ
Никнуть устало съ тихой печалью.
Словно слезинки, бѣлый туманъ
Крупныя капли въ нихъ оставляетъ,
Тяжки тѣ капли — никнуть цвѣты.
Близится осень, степь увядаетъ, —
Вянешь, сарана, вянешь и ты!...

Крадется тихо мышъ полевая,
Роетъ подъ степью тайный свой ходъ;
Дышетъ прохладой почва сырая, —
Корни сараны просятся въ ротъ...
Луковицъ сладкихъ сочную плѣнку

Острые зубки скоро нашли;—
Острые глазки мордочки тонкой
Свѣтятъ во мракѣ влажной земли;
Корень за корнемъ мышъ подгрызаетъ,
Корень за корнемъ носить въ запасъ;—
Свой амбарушекъ мышъ наполняетъ.
Ярче все свѣтитъ кругленькій глазъ...
Мягкія лапки гонять да гонять
Вслѣдъ за сараной хлѣба зерно,—
Чести хозяйки мышъ не уронить:
Будетъ подъ зѣмлю все снесено.

Осени утро холодомъ вѣетъ;
Ясное солнце сѣлитъ тепло;
Нива снопами ярко желтѣетъ,
Лугъ, весь въ зародахъ, смотритъ свѣтло.
Съ шумомъ веселымъ, крикомъ и гамомъ
Сыплются въ стѣпи шайки ребятъ;
Скачутъ по кочкамъ, скачутъ по ямамъ,
Зубы на солнцѣ въ смѣхѣ блестятъ.
Рядомъ съ бурята черной щетиной
Русыя кудри вьются въ кольцо;
Стѣпи монгольской смуглаго сына
Отблескомъ желтымъ блещетъ лицо;
Русскія лица нѣжно румянитъ
Ранняя утра легкій морозъ,—
Свѣтлые глазки то затуманитъ
То вдругъ прояснитъ смѣхомъ до слезъ.
Глазки монголовъ бойки, и косы,—
Словно лукавы въ той косинѣ.

Рѣя на солнцѣ, оводы, осы
Крыльями блещутъ будто въ огнѣ;—
И переливы рѣчи гортанной
Льются жужжанью оводовъ въ ладъ.
Русскія дѣти бойко и странно
Вторятъ картавой рѣчи бурятъ,
И, какъ родною, рѣчью той съ жаромъ
Между собой ведутъ разговоръ.

Степь закурилась, тронулась паромъ:
Солнце согрѣло степи просторъ.
Дѣти затихли, мышъ карауля—
Такъ затихаетъ въ морѣ волна.
Ужъ на готовѣ ждетъ копаруля,—
Ждетъ—замираетъ въ пальцахъ она...
Дѣти затихли, словно застыли...
Вскрыли утробу влажной земли:
Мыши лазейку дѣти открыли—
Въ ходъ копарули бойко пошли...

Солнце все жарче грѣетъ поляну,
Паръ приподнялся, словно дымокъ.
Въ ротъ отправляютъ дѣти сарану,
Зерна ссыпаютъ бойко въ мѣшокъ:
Тягкѣ снесутъ ихъ. Алая губы
Въ сокѣ сараны стали алѣй;
Бойко работаютъ дѣтскіе зубы—
Ищутъ саранъ сочнѣй и спѣлѣй.
Словно звѣрята, дѣти бурята
Сладкіе корни молча грызутъ;

Темны и грязны всѣ, угловато
Въ землю впиваясь, роютъ-ползутъ;
Темныя скулы влажны отъ пота,
Темныя губы въ сладкомъ соку...

Русскіе дѣти шепчутъ:—А что то
Мышь-то, моль, братцы, вгонимъ въ тоску:
Моль, раззорили.—Правда ли, значить,
Будто съ печали давится мышь,
Если запасъ у ней съургоначатъ?—
— Правда, ребята: видѣлъ я, слышь,
Всунеть въ репейникъ шейку межъ вѣтокъ,
Да и повиснетъ—ножки согнетъ...
— Жалко и ей!... рѣшилъ малолѣтокъ,
Пару саранокъ всунувши въ ротъ.

Н а ш и т и к ъ.

Ш и т и к ъ—лодка, об ш и т а я досками, съ будкой для
пассажира.

Т а ё ж н ы й—дикій, лѣсной.

Колеблютъ шитикъ волны Лены,
И, словно въ злобномъ торжествѣ,
Печальныхъ мыслей перемѣны
Въ печальной бродятъ головѣ...

О, эта гладь рѣки великой
И глушь таёжныхъ береговъ
Въ ихъ тишинѣ сурово дикой,—
Какъ міръ невѣдомыхъ боговъ,—

Умъ угнетутъ благоговѣньемъ,
Подаютъ грозной красотой;
Заставятъ сердце откровеньемъ
Быть жизни, въ шумѣ прожитой;

Разбудятъ старыя печали
И боль давно закрытыхъ ранъ;

Изъ глубокó-тѣнистой дали
Поднимуть мгlistый свой туманъ;

Все небо тучами обложатъ
И, вызвавъ бурю и грозу,—
Съ твоей слезой сольютъ, быть можетъ,
Дождя холодную слезу!...

СЫНЪ ДЕЗЕРТИРА.

Мотáузъ—тонкая бичевка.

Сходни—перекидные мостки съ судна на пристань.

На Ленѣ великой есть городъ забытый.
Къ нему издалёка пришелъ пароходъ.
Народъ, появленьемъ новинокъ несытый,
Слонялся по бѣрегу взадъ и впередъ:
На все поглазѣть поселенцы охочи;
А судно, быть можетъ, изъ милой страны,
Гдѣ сонъ ихъ ласкали родимыя ночи,
Откуда остались родимые сны...

Вползали и дѣти, какъ мошки, на сходни
И жались у мачтъ—заглянуть на свистокъ:
Негаданный праздникъ насталь имъ сегодня
Головкѣ и глазкамъ восторгъ и урокъ.
Межъ ними одинъ былъ—въ рубашкѣ изъ ситца,
Босой, исхудалый, годовъ десяти.
Картузъ его рваный успѣлъ износиться
И лоскомъ до кожи сапожной дойти.

Рубашка сквозь дыры казала ужъ тѣло,

Охваченъ мотаузомъ тоненькій станъ;
Но глазками бойко, умно и умѣло
Машину осматривать сталъ мальчуганъ.
И было нѣжнѣй, чѣмъ у мальчиковъ прочихъ,
Сложенъе ребенка, и тоньше черты—
Отъ смуглыхъ рученокъ его нерабочихъ
До глазъ его темныхъ, ума, красоты

И грусти исполненныхъ острой и тайной,
Тѣмъ болѣе ясной, чѣмъ хуже нарядъ.
И кинулъ на мальчика будто случайно
Одинъ пассажиръ свой задумчивый взглядъ.
— Вы гдѣ нибудь учитесь?—началъ съ вопроса
Отъ скуки бесѣду свою пассажиръ.
Взглядъ кинулъ ребенокъ на барина косо,
Прикрылъ онъ одну изъ рубашечныхъ дыръ,

И молвилъ:—Въ приходской учуся я школѣ.
— А ваши родители живы и здѣсь?
— Мы здѣсь лишь недавно, и то поневолѣ.—
И, вспыхнувъ, ребенокъ потупился весь.
— Откуда же вы?—Насъ изъ Витебска гнали.
Отецъ мой служилъ тамъ солдатомъ въ полку;
Бѣжалъ онъ...—И глазки ребенка сверкали
Подобно раздутому вдругъ угольку.

Но, хвастаясь будто, прибавилъ онъ бойко:
— А сколько я видѣлъ желѣзныхъ дорогъ
И рѣчекъ большихъ, городовъ видѣлъ сколько!..
Да только вездѣ насъ сажали въ острогъ.

А здѣсь—продолжалъ онъ—сперва мы съ па-
пашей

Сидѣли за стойкой въ одномъ кабаѣ,
Да видишь, хозяйкѣ не нравились нашей—
Ну, насъ и прогнали... И въ тихой тоскѣ

Запнулся ребенокъ, и, робко улыбку
На личико вызвавъ, прибавилъ потомъ:
— Да ладно, что папа изъ Витебска скрипку
Свою съ канифолью привезъ и смычкомъ:
Теперь на гуляньяхъ играетъ онъ пляски.
Разъ въ мѣсяцъ онъ добылъ двѣнадцать руб-
лей!—

Поднявши лукаво веселые глазки,
Окончилъ ребенокъ разсказъ веселѣй.

— Фамилія ваша?—По польски звучала
Фамилія эта—ребенокъ сказалъ.

— Вы вѣрно католикъ?—Ребенокъ сначала
Какъ будто не понялъ, слегка помолчалъ,
Потомъ усмѣхнулся.—Навѣрно, въ костѣлы
Молиться ходили на родинѣ вы?—
Ребенокъ лишь вскинулъ свой взоръ невеселый
И вновь опустилъ, не поднявъ головы,

И вновь усмѣхнулся.—Иль вы православный,
И ходите въ церковь?—Отвѣта все нѣтъ.
Ребенокъ рубашку терѣбитъ исправно,
Въ глазахъ его тухнетъ лукавый ихъ свѣтъ
И жалобно-робкой улыбкой на губы,

Какъ искрой послѣдней, спуститься спѣшить.
И вдругъ засмѣялись рабочіе грубо,
И слышно сквозь хохоть:—Да, баринъ, онъ
жидъ!

Скрывается мальчикъ. Печально сконфуженъ,
Уходитъ въ каюту свою пассажиръ.
А хохоть несется, раскатистъ и друженъ,
Какъ будто во слѣдъ имъ смѣется весь міръ.
Идетъ пароходъ ужъ по Ленѣ далѣко,
И слѣдъ его, пѣнясь, ложится межой...
И лишь пассажиръ на кормѣ одиноко
И горестно смотритъ на городъ чужой...

ЛЕНСКІЯ ЩЕКИ.

Щеки—три самыхъ высокихъ утеса на Ленѣ.
Зобатый: зобъ весьма распространенъ въ при-
ленскихъ селахъ.

—Что ты, Лена, зарябила
И быстрѣй свой гонишь валъ:
Или вражеская сила
Затаилась между скаль?—

— Я спѣшу не безъ причины,
Но спѣшу не отъ бѣды:
Я кладу, какъ въ ямы глины,
Въ ребра скаль свои слѣды;
Но межъ скаль я три задѣну,
Равныхъ силою—моей:
Встрѣча съ ними манить Лену,
Встрѣча съ ними—счастье ей.
Я люблю ихъ видъ суровый
И покой ихъ вѣковой;
Ихъ безмолвье, будто слово,
Полно смысла, путникъ мой!

Нѣту въ нихъ гордыни черствой,
Нѣту въ нихъ глухаго сна;—
Въ нихъ и сила, и упорство,
И гроза, и тишина.
Властью дышетъ ихъ громада,
Гнѣвъ таитъ ихъ крутизна.
Имъ цвѣтовъ и травъ не надо:
Лишь тумана пелена
Ихъ ласкать беретъ отвагу
Да струя моей волны,—
И на нихъ мы слезъ лишь влагу
Оставлятъ принужденны!

— Но, послушай: ваши слезы
Не дождутся камня слезъ:
Грѣзы, Лена,—вѣчно грѣзы,
А утесъ—всегда утесъ...

— Знаю, путникъ мой, ты хочешь
Кинуть въ грудь сомнѣнья ядъ;
Но ты вѣры не подточишь...
Кинь въ мои лишь волны взглядъ:
Какъ дитя, порой ясна я,
Какъ злодѣй, порой мутна.
На яву кошмары зная,
Я почти не знаю сна:
Видѣлъ ты людей зобатыхъ,
Видѣлъ ты голодный людъ—
Вѣдь на мнѣ лишь иногда ты,
А они всегда вѣдь тутъ.

Ихъ поятъ мои вѣдъ воды,
Гнутъ пріатели твои...
Свищутъ нагло пароходы,
Плачутъ ленскія струи...
О, хотѣла бъ я съ презрѣньемъ
Страхомъ васъ порой смутить!
Дай же мнѣ хоть съ упоеньемъ
Гордый духъ слезой омыть...
Да, ищу я душъ глубокихъ
Женски-трепетной душой,—
И лобзаю страстно Щеки
Съ ихъ суровой тишиной...

Шепчетъ Лена. Сердца раны
Плескъ волны передаетъ.
И предстали великаны,—
И я понялъ ласку водъ...

ДВѢ РѢКИ.

Бичевой тянуть лодки противъ воды людьми или
лошадьми.

Народъ я видѣлъ: грозно строенъ
И гордо мощенъ тонкій станъ;
Рукой кинжалъ одинъ усвоенъ,
Нога не выйдетъ изъ стремянъ;
И благородно-величавы
Черты орлинаго лица:
Горятъ въ очахъ преданья славы,
Сосредоточенность бойца.

И я иныхъ людей увидѣлъ:
Забитый, бѣдный, жалкій родъ.
Суровый сѣверъ ихъ обидѣлъ
И бичевы тяжелый гнетъ;
На шеѣ рѣдко нѣту зоба,
Мозоль до крови на рукахъ;
И, съ колыбели и до гроба,
Въ очахъ нѣмыхъ лѣнивый страхъ.

Я видѣлъ Терекъ. Подъ утесомъ
Плита ложилась на плиту,
И взоръ испуганнымъ вопросомъ
Встрѣчалъ отвѣса высоту.
Едва-едва висѣли глыбы,
И камень камень отягчалъ:
Отъ дуновенія могли бы
Они послать рѣкъ обвалъ.

И Лену видѣлъ я. Утесомъ
Краснѣя въ грозной высотѣ,
Лежалъ песчаникъ надъ откосомъ.
Плита скользила по плитѣ,
И межъ корней недвижной ели
Едва сдержала свой полетъ;—
И камни тихіе висѣли,
Ища могилы въ глубѣ водъ.

Какъ звѣрь, во вѣкъ неукротимый,
Вздыхался Терекъ межъ тѣсинъ,—
Взлеталъ на камни, падалъ мимо,
Какъ пораженный властелинъ;
И вновь взлеталъ, и падалъ снова,
И рвалъ о камни грудь свою:
Онъ не искалъ въ ущельи крова,
Искалъ онъ гибели въ бою.

Но, широка, невозмутима,
Текла сибирская рѣка,
Чуть омывая камни мимо,

Не задѣвая тростника;
И, если скорбію дышала,
То въ тихой, медленной волнѣ
Та скорбь не пѣною сверкала,
А гасла мракомъ въ глубинѣ.

И словно слышалось моленье
Мнѣ въ воплѣ Терека глухомъ
И въ вѣковомъ уединеньи,—
Въ покоѣ Лены вѣковомъ.
И разныхъ рѣкъ одно и то же
Твердили разныя мольбы:
Пошли пощаду краю, Боже,
Отъ угнетающей судьбы!...

П а в о з о к ъ.

П а в о з о к ъ — рѣчное торговое судно.

К а м о р а — отдѣленіе, комната.

К ъ в о д и — к ъ водѣ: мѣстная форма произношенія.

У изгиба тихой Лены

Парень съ дѣвушкой сидятъ:

Сосны тихія, какъ стѣны,

К ъ нимъ чужой не пустятъ взглядъ.

Коренасть и мало строень,

И приземистъ, и широкъ,

Жестомъ ровень и спокоень,

Взглядомъ ласковъ паренекъ.

И, рабочей худобою

Угловата и стройна, —

Стала дѣвушка любóю

Для парнюги-горюна.

И струятся воды Лены;

Рѣчи складны между двухъ:

Сосны тихія, какъ стѣны,

К ъ нимъ чужой не пустятъ слухъ.

На колѣняхъ, какъ ребенокъ,
Глядя новенькій платокъ,
Шепчетъ дѣвушка,—не звонокъ
Затаенный голосокъ:
— Помнишь, Ваня, какъ впервые
Мы на павозокъ зашли?
Мы, ребята небольшіе,
Словно сразу подросли.

Я—совсѣмъ ужъ малолѣтокъ,
Ты постарше былъ чуть-чуть.
Словно птишкамъ въ лѣсъ изъ клѣтокъ
Намъ пришлось перепорхнуть!
Въ избахъ нашихъ уйма грязи,
Бѣдность, сырость, тѣснота;
Обопрѣли бревенъ связи,
Плесень съѣла всѣ мѣста...

А на павозкахъ простору
Только въ каморахъ проси;
Ни дощечки безъ призору;
Грязи—Боже упаси!
Въ каждой горницѣ—какъ надо—
Лишь любуйся, да смотри!
И такихъ то горницъ рядомъ
Тамъ, я помню, было три.

Перво на́ перво: магазинъ,—
Все то полки, а на нихъ
Все товаръ то, Ваня, разенъ...

Сколько ситцевъ то однихъ!
Какъ взглянула я на штуки—
Разбѣжались глаза,
Опустились просто руки...
А вѣдь цѣлые воза

Тутъ еще орѣхъ кедровыхъ
И сапогъ то на ранту,
И пальтовъ для барынь новыхъ,—
И пальто то все къ пальту!
Далѣ сунулась,—поменѣ
Будеть горница, а въ ней
Все холсты, вишь, изъ Тюмени:
Холстъ то холстика бѣлѣй!

А на стоечкахъ бурнусы,
Словно дѣвки на смотру...
А всего то больше бусы
Мнѣ пришили по нутру!
Я все далѣ: глядь—коморка
Менѣ тѣхъ—я шмыгъ въ нее...
Подняла у двери шторку,
Вижу: горница-жилъе.

Я стояла какъ ворона.
Все въ коврахъ—постель, добро;
Просто золото—икона,
А лампадка—серебро!
Вижу только: дверка снова;—
Шмыгъ въ нее, и вышла вонъ—

На корму. И, право слово,
Будто видѣла я сонъ—

Что жъ, была я малолѣтокъ—
Вижу: ёлочки кругомъ
Въ днище вѣткнута до вѣтокъ,
Въ воду спущены пенькомъ:
Просто садикъ вся корма то,
И ковры то какъ въ саду...
Помнишь, Ваня? Ну, а я то
Не забыла на бѣду...—

Замолчала и вздохнула.
Парень былъ давно угрюмъ,
Словно въ немъ перевернула
Рѣчь подруги много думъ.
—Да, въ ту пору недоросткомъ
Былъ и я—и глупъ умомъ,—
Молвилъ онъ уныло-жестко,
Пыхнувъ ѣдкимъ табакомъ:

—Только помнишь ли, Груняша,
Съ кѣрня рвутъ у насъ траву:—
Ужъ попала доля наша
Въ пору ту подъ бичеву!
Помнишь ты: тянули почту
Въ эту пору мы не разъ.
Сколько слезъ хлебаешь въ ночь-ту!
Темень, просто выткни глазъ...

Ближе къ вѣди!—кличутъ съ лодки;

Я на Сивкѣ ужъ плыву,—
Словно тянешь по серёдкѣ
Сáмой Лены бичеву.
Конь продрогнетъ и измокнетъ,
Самъ сидишь, какъ не живой,
И не разъ сердечко ёкнетъ:
Не слетѣть бы какъ долой,

Не попасть съ конемъ бы въ яму.
Завертитъ водой—бѣда!
Наугадъ ужъ ѣдешь прямо.
Конь храпитъ; туда-сюда
Сунетъ мордой и запнется—
Станетъ вдругъ,—не то заснетъ;
А гляди, и покачнется:
Ноги сивому ведетъ...

Темень: ѣдешь на конѣ то,
И не видишь головы,—
Отдается только гдѣ-то
Плескъ тяжелой бичевы.
Холодъ, сырость на одежѣ:
Застываетъ просто въ ледъ
И, какъ стеклами, по кожѣ
Задѣваетъ и дерётъ...

Помнишь, Груня, какъ-то рядомъ,
Ты тянула разъ со мной:
Ночь была съ дождемъ и градомъ;
Заливало насъ волной;

Кони наши всѣ стѣснились,
Тёрлись всѣ мы бокъ о бокъ;
Кормовые разбранились,
Почтальонъ насквозь промокъ

И грозился намъ дубиной...
Ты ревѣла, вся въ слезахъ...
Ни слезинки, ни единой
Не дождался я въ глазахъ,
Молча ѣхалъ... А коня то
Я всего тогда избилъ...
Помнишь, Груня?—Ну, а я то
На бѣду не позабылъ...—

— Помню, Ваня... Я не даромъ,—
Только павозокъ отъ насъ
Поплылъ далѣе съ товаромъ,—
Не смыкала ночку глазъ:
Все то вспомнила тогда я —
Нашу долю и тебя...
Ну...дѣвченка молодая,
Волосенки теребя,

Я поплакала тихонько—
Я вѣдь громко не реву,—
А на утро полегоньку
Потянула бичеву...
И вотъ нынѣ, какъ платочекъ
Ты мнѣ съ павозковъ принесъ, —
Ужъ не сплю я сколько ночекъ:
Горе есть, да нѣту слезъ!...

Сахарбей.

Шефаръ-беемъ былъ онъ въ краѣ,
Гдѣ въ горахъ просторъ и ширь,—
И давно ль попалъ—незнаемъ—
Сахарбейкою въ Сибирь.
Носъ, быть можетъ, былъ орлиный,
Ноздри вырваны лишь въ немъ:
То, что было въ немъ горбиной,
Жалкимъ сдѣлалось крючкомъ...

— „Но за что жъ, черкесь, сюда ты
Въ ссылку дальнюю попалъ?“—
— Въ наше мѣсто шли солдаты,
Всѣ стрѣлялъ,—и я стрѣлялъ!...—
Давъ отвѣтъ, онъ взоромъ блещетъ
И смѣется, какъ шальной;—
Тихо носъ его трепещетъ
Каждой рваною ноздрей...

Караульный онъ безцѣнный:
Чутокъ, зорокъ, словно кротъ,

Тихій, злобный и согбенный,
Бродить ночь онъ напролетъ.
Собаченку, кличкой Дружку,
Одинокій, онъ завелъ,
Окрестилъ ее въ Андрюшку,
Съ ней дѣлилъ постель и столъ.

Саломъ разъ ее украдкой
Всю обмазали свинымъ,
И, облизываясь сладко,
Дружка прыгала предъ нимъ.
Разъ онъ вымылъ — пахнетъ саломъ,
Вымылъ вновь — нельзядохнуть, —
И пожемъ онъ, какъ кинжаломъ,
Поразилъ собачку въ грудь...

Полюбилъ хозяйскихъ дѣтокъ:
Дѣти съ рукъ его не шли; —
Только дѣтокъ напоследокъ
Всѣхъ въ Россію увезли.
И живетъ онъ, старъ и грязень,
Безотвѣтно терпѣливъ,
Одинокъ и безобразень,
Часто вздорень и лѣнивъ...

То глядитъ онъ идіотомъ,
То смѣется, какъ дитя...
А, поставъ его къ воротамъ,
Воръ заплачетъ нешутя... —
Вотъ за что, мой край забытый,

Я къ тебѣ съ любовью росъ:
Сколько зналъ нѣмой тоски ты
И невыплаканныхъ слезъ!...

Тайга.

Т а й г а́ — дикая лѣсная мѣстность.

В а р н а к ъ́ — бѣглый бродяга.

Глубоки́ въ ней зимою сугробы,
Безпощадны разливы весной,
Недоступны въ ней лѣтомъ трущобы:
Ихъ лѣса охраняють стѣной.

Но снѣга серебрятся и блещутъ,
Пѣна водъ и бѣла, и пышна;
И стыдливо въ трущобахъ трепещутъ,
Наливаясь,—цвѣтокъ и сосна...

О скажи мнѣ, родная природа,
Кто всѣхъ крѣпче къ тебѣ припадалъ,—
Всѣхъ жаднѣй сокровеннаго восхода
Каждой мшинки и чуялъ, и ждалъ?

И шумять мнѣ суровыя ели,
Стонуть льды задрожавшей рѣки,
Плачутъ, падая, слезы капли, —
Слышу я: бѣглецы—варнаки.

Вижу я безпокойныя очи,
Вижу раны обмерзнувшихъ щекъ;
Вижу: стелеть во мглѣ полуночи
Дымъ смолистый, треща, огонекъ...

То померкнетъ, то вновь разгорится—
И какъ зарево вдругъ засіялъ:
Озарилъ онъ суровыя лица
И зубовъ добродушный оскаль...

Молча внялъ твоему я отвѣту, —
И смолкаю, родная тайга:
Ты оскалила зубы поэту,
И молчишь, глубока и строга...

Б о ч к а.

О му л ё в а я б о ч к а—изъ подъ рыбы о му л я.
К а р а и Б а р г у з и н ь—рѣкѣ за Байкаломъ; на Карѣ'
казенные рудники.
В ы л а з ь—вылѣзай: мѣстная форма.
Л и т о в к а—коса.

Судномъ не брезгуй, хозяинъ Байкалъ,—
Молъ: омулевая бочка,—
Милостивъ будь—поднимай-ка свой валъ:
Мѣлодцу плыть недалечко!
Плыть ли съ Амура, плыть ли съ Кары:
Плыть отъ добра да не къ худу:
Больно начальники наши мудры:
Взглянетъ—нагонитъ простуду,

Шлетъ на работу—иди умирать,
Строить поселокъ—могилу...
Силу бродяжную любятъ нажать,
Словно литовку къ точилу:
Выточатъ лихо: бѣда не бѣда,

Море—и то по колѣна:
Въ бочку, какъ въ судно, недолго... Айда!
Вышла работничку смѣна.

Пусть пошвыряетъ хозяинъ Байкаль,
Пусть и изъ бочки ужъ вынетъ:
Живъ или померъ—девятый то валъ
Молодца на берегъ кинетъ!..
Вынесъ бродягу въ Байкаль Баргузинъ:—
Моремъ плыветъ, и не ахнетъ.
Бсть захотѣлось—ахъ, дьяволовъ сынъ!—
Бочка то омулемъ пахнетъ.

Мало ѣдалъ, да и нюхать за то
Вдоволь едва-ль приходилось;
Нюхай-ка здѣсь: не мѣшаетъ никто,
Нюхай, изъ бочки не вылазъ;
Нюхай, да только одно и жалѣй:
Клиномъ сошелся вѣдь міръ то:
Что бы посудѣ изъ подъ омулей—
Бочкою быть изъ подъ спирта!

Красная лилія.

Не серебристо-нѣжной бѣлизною,
Не нѣжнымъ золотомъ у тонкаго стебля
Она прельщаетъ свѣтлою весною,
Сорвать маня,—щадить моля...
Пылая алымъ пламенемъ сурово
И яркой искрой вспыхнувъ межъ камней,
Она, укрыта порослью кедровой,
Въ ея тѣни лишь кажется темнѣй;—
И смотритъ мрачно въ очи пѣшеходу
Своей сурово-смѣлой красотой.

Сорви меня!—твердитъ она народу,
Идущему тяжелою стопой—
Сорви меня рукою, въ подземельи
Копавшей золота тяжелое зерно;
Сорви меня: мнѣ въ сѣверномъ ущельи,
Какъ въ шахтѣ вамъ—исчахнуть суждено;
Сорви меня: изнѣженные пальцы
Мнѣ не придется пылью осыпаться,

И нѣ къ кому, таѣжные скитальцы,
Таѣжную красу вамъ ревновать;
Сорви меня подъ пьяную хоть руку,
И изъ гармоники рыданье извлеки,
И пьяную слезу, оплакавъ жизни муку,
Ты урони ко мнѣ на лепестки!—
И брось меня: не злая незнакомка—
Мой блеклый прахъ возьметъ твоя тайга!

И гнется пѣшеходъ подъ рваною котомкой,
И давить лилію подковой сапога...

Спиртоносъ Патрушевъ.

С п и р т о н о с ь — тайный продавецъ вина.

К а й л а — землекопное орудіе въ видѣ мотыки.

П р о м ы с л а — такъ обыкновенно зовутъ золотой
п р о м ы с е л ь въ Сибири.

З а б о й — мѣсто, гдѣ отбивается земляной пласть.

К р ю ч е к ь — мѣра вина: чарка.

В и т и м с к і е д в о р я н е — прозваніе жителей се-
ла Витимъ.

Ш а р к у н е ц ь — бубенчикъ.

Плечи — сажень косая, а руки, —

Заиграй ли въ нихъ звонко кайла,

Иль гармонику треплешь отъ скуки:

На забаву, равно на дѣла —

Эти руки, ей-ей, золотыя;

Приниматься за все имъ съ руки—
Схватятъ, словно изъ стали литыя,
И, какъ змѣи—ловкі и верткі...

Да что руки! Что, братецъ мой, сила!
Блещутъ очи огнемъ и умомъ;
А усмѣшка въ губахъ утаила
Думку парня о многомъ такомъ,
Что сказать то пожалуй и смѣло,
А подумать—смѣлѣе того...
А подумалъ, да взялся за дѣло,—
Ужъ не струсилъ тогда ничего!

Да что умъ! Коли кровь ходитъ въ жилахъ,
Да смущаетъ души тишину:
Миръ бы божій подкинулъ на вилахъ
Да и вновь подхватилъ какъ копну!
Коли полымемъ жжетъ ретивое,
Душу-бъ продалъ порой ни за грошъ,
Хоть кого-бы задѣлъ за живое...
И кудрявѣе словно стаешь!

Взялъ бы бабу, да сжалъ словно птаху...
Не дыши, молъ,—и я не дышу.
Ты не шей, мнѣ, голубка, рубаху,
Кудри я безъ тебя расчешу;—
Размотаю всю косу твою я,
Задохнуся—тебя обойму;—
Слушай: пѣсню тебѣ запою я.
Ретивое свое я уйму...

Да что бабы! Какія здѣсь бабы!
Есть двѣ-три, да и тѣ по рукамъ:
Промыслѣ ихъ сословіемъ слабы;
Здѣсь о бабѣ забудешь и самъ.
Баба что: молодцу не обуза:
Двинь рукой—отлетитъ далеко:
Поищи неподъемнаго груза,
Да и вскинь на загорбокъ легко!

Что загорбокъ! Кажися, не мало
Гнулся онъ отъ ребячьихъ годовъ:
Съ малолѣтства насъ жизнь костыляла;
Отъ страды потерпѣли трудовъ;
За сохой, бороной да за плугомъ
Жизнь была ужъ куда хороша!—
А не сжалось сердце испугомъ,
Все посвистывать любить душа!

Засвистала она, да не вдолгѣ
Опоясалась шалью цвѣтной,
Да не внизъ по рѣкѣ, да по Волгѣ,
А по Ленѣ, по рѣчкѣ иной,
Обернулась по щучьему зову,
Да въ тайгу молодца занесла.
Пропилъ молодецъ шапку-обнову,
Закупили его промыслѣ.

Заработалъ бы денегъ не мало,
Да поболѣ дорѣгой пропьешь...
Эхъ! не даромъ кайла засвистала

И вонзилась въ забой, словно ножъ:
То ли удалъ, а то ли и злоба—
Словно рыло воротишь врагу!
Да взглянулъ управляющій въ оба:
(Не останусь ему я въ долгу.)

— Гнать подъ землю такого дѣтину
Какъ бы не было намъ и грѣха,—
Молвилъ онъ:—распрями-ка ты спину,
Да ступай-ка ужо въ конюхѣ.—
Что жъ, пошелъ. Подходящее дѣло:
Лошадь намъ по душѣ, господа;
Мы посмотримъ за нею умѣло
И попляшемъ на ней иногда.

Не одна вѣдь. Изъ цѣлыхъ то сотенъ
Можно выбрать любимца-коня,
Что бы былъ и на дѣло охотенъ,
И, подковой по камню звеня,
На гольцѣ не убавилъ бы рыси,
А прибавилъ бы смѣтки въ глазахъ,—
При подъемѣ не трусилъ бы выси,
А на спускѣ бы несъ какъ въ рукахъ.

Не охѣемъ и всѣхъ то лошадокъ:
Въ пору дать имъ сѣумѣемъ овса
И хвосты замотаемъ: порядокъ,
Да притомъ же оно и краса!
Запрягай ли, сѣдлай,—шаркунцами
Ты лохмотую морду увѣсь;

Самъ поѣхаль—нажалъ стремянами,
И съ конемъ словно спаенъ ты весь!

Да и воли, пожалуй поболѣ,
Чѣмъ у тѣхъ, что въ работахъ стоятъ.
Лошадь въ холѣ, и кѣньюхи въ холѣ:
Время есть—не чумазый бурятъ:
Не одну себѣ шапку примѣришь,
Не одну себѣ выправишь шаль!
Излѣнился—себѣ не повѣришь:
Удаль есть, а инаго не жаль!

Удаль есть, да и очи работой
До истома тебѣ не затретъ:
Видишь золото—смотришь съ охотой,
Думка за сердце жутко беретъ:
Моль у золота ходишь и дышешь,
Какъ ему не прилипнуть къ рукамъ!
Тутъ-то, братецъ ты мой, и услышишь,
Словно чертъ говоритъ въ тебѣ самъ:

— Рукъ не пачкай, не крадь золотинокъ:
Безъ тебя есть на то мастера;
Намекни лишь: моль, съ виду я инокъ,
Да пойми-ка меня до нутра,
Да довѣрься—я сбуду не даромъ,
И по совѣсти будетъ дѣлѣжь.—
Понесутъ тебѣ золото съ жаромъ,
Помани-ка ты ихъ, растревожь,—

Имъ сбывать не рука—землероямъ:
Конюхъ ѣздитъ туда и сюда...
Въ это дѣло, братъ, влѣзешь запоемъ—
Отуманишься только—бѣда!
Кровь пошла-заиграла по жиламъ:
Рискъ, такъ рискъ,—а хитрить, такъ хитри:
Съ виду парнемъ такимъ то ты милымъ,—
Чертомъ станешь лукавымъ снутри!

Съ нашимъ братомъ, съ воришкой рабочимъ—
Чище снѣга: копѣйки не крадь—
За безцѣнокъ и сами охочи
Бѣдняки золотишку отдать.
Что безцѣнокъ! Крючекъ полугару—
И съ рабочимъ скостилъ всѣ долги.—
Спиртоносу задай-ка ты жару;
Спиртоноса за то ужъ нажги:

Дастъ за золото спиртъ ли, монету,—
Не жалѣя веди съ нимъ расчетъ.
Да, забрался въ работу ты эту,
Много съ нею узнаешь заботъ.
Да за то вся въ огнѣ голова то,
Такъ и бѣгаетъ глазъ, словно жукъ:
Все бери, что другими не взято,
Что и взято,—тащи изъ подъ рукъ!

Такъ то такъ, да одно только худо:
Вороватость то мнѣ не съ руки.—
Самъ не знаю въ душѣ то откуда

Словно вдругъ закишатъ червяки;
И мутить тебя, словно, и мучить;
Такъ бы взялъ да, какъ громъ, закричалъ:
— Гей, хозява! васъ конюхъ научить,
Сколько золота онъ оттягалъ.

Разкажете, молъ, грудь удалую,
А ужъ золота вамъ не вернуть!—
Оттого то, братъ, я и балую,
Оттого то пошелъ я на путь,
Отъ котораго нѣтъ поворота,
А и есть—не захочешь его;
Порѣшилъ я съ собой оттого то:
Спиртоносомъ я сталъ оттого.

Былъ я конюхомъ, значить, богатымъ,
Конюхъ былъ я не конюхъ, а царь;
Жилъ съ рабочимъ, съ своимъ, значить, братомъ,
Душу въ душу—какъ жилъ съ нимъ и встарь;
Господамъ глазъ отвелъ, словно лѣшій,
Предъ исправникомъ вѣлся, какъ бѣсъ;
А тоскую, хоть голову вѣшай—
Словно змѣй мнѣ подъ сердце залѣзъ.

Затяну себя шалью шелкóвой,
Да напялю на очи бобра;
Бабу встрѣчу—не рубль, не цѣлковый
Отвалю:—сколько есть серебра.
Пить не пилъ: опьянѣлъ—проболтался;
Мнѣ быть надо, пойми ты, въ струнѣ;

Только чую, что я стосковался
Не по этомъ проклятомъ винѣ.

Зудъ какой-то въ рукахъ—словно крови
Захотѣлось пролить мнѣ, ей-ей!
Призадумался разъ, сдвинулъ брови,
Всѣхъ по стойламъ убралъ лошадей,
Осѣдлалъ горбоноску «Монгола»,
Выбралъ ночь—никому ни гу-гу—
У ружья зарядилъ оба ствóла,
Да и скрылся въ глухую тайгу...

И спроси ка ты, другъ, у казáковъ,
У исправника ты поспрошай:—
Все ли тотъ же, какъ былъ, одинаковъ
Ихъ надзору довѣренный край,
Все ли тѣ же блудливыя шайки
Прячуть голову въ гущу лѣсовъ,
Аль поменѣ ихъ трусить ногойки
Да и пуль спиртоносъ Патрушевъ?

Былъ, вишь, конюхомъ—парень былъ славный,
Былъ и вѣжливъ, охочъ на поклонъ;
Что поручишь—исполнить исправно;
Работящъ, и уменъ, и смышленъ.—
Только, видно, таскалъ золотишко,—
Изъ воровъ въ спиртоносы свернулъ;
Шайку скликалъ... Да—молвить безъ лишка—
Насчитаешь ружейныхъ въ ней дулъ

Тридцать штукъ, да притомъ револьверовъ

Штукъ не менѣ, да есть штуцера;
Да и удали экой примѣровъ
Не видали—дождется добра!
И ловили его—испарился,
Пойманъ былъ—изъ казачей исчезъ...
А чрезъ мѣсяцъ опять населился
Спиртоносами мѡлодца лѣсъ! —

Вотъ что скажутъ. Да, понялъ я, друже,
Что не воръ я, не воръ потайной,
Что, чѣмъ дальше, измучусь я хуже:
Стану лучше я птицей лѣсной;
Разомну-ка я плечи въ походѣ,
Разомну-ка я ихъ не одинъ:
Повоюю-ка я на народѣ,
Какъ народа того господинъ!

Появлюсь-ка къ жиду винокуру,
Подмигну-ка: разсыплется жидъ:
Лишь бы понялъ мою онъ натуру,
Съ полной вѣрой виномъ одолжить:
Вѣренъ былъ я всегда на расплату,
А на ругань и ловокъ, и прямъ.
Скидку сдѣлаю нашему брату,
А жиду до копѣйки отдамъ,

Да измучу его, живодѣра,
На словахъ, какъ въ углѣхъ, подпалю.
Межъ начальствомъ случается ссора:
Засѣдателя я охмѣлю,

Онъ исправнику ножку подставить,
Тотъ повыше куда настрочить:—
А начальство другъ друга безславить,
Такъ съ другими за то ужъ молчить...

Заявлюсь я къ «Витимскимъ дворянамъ»,
Кликну кличъ—поползуть рекрута:
Это мѣсто всегда было станомъ
Тѣмъ, въ чьемъ брюхѣ гудить пустота,
Въ головѣ жъ съ перепою тревога.—
Заиграетъ гармоника сборъ—
Соберется не мало, не много—
Горлопановъ порядочный хоръ!

Каждый любить винтовку да флягу,
Каждый просится смѣло въ походъ.
Повстрѣчаю дорѣгой бродягу,
Кликну:—Ей, голова безъ заботъ,
Приставай-ка къ намъ, сирый и нищій,
Приставай, да на трусость то плюнь:
Ножъ не прячь за свое голенище,
А открыто за поясъ засунь!—

Эхъ, спознался я съ этимъ народомъ,
Словно сила во мнѣ прибыла:
Все смѣлѣю, и съ каждымъ то годомъ
Затѣваю такія дѣла,
Что начальство теперь «понимаютъ»,
Да и самъ не виляю, не лгу:
Чтѣжъ: ловили—и снова поймаютъ,
Убѣгалъ—и опять убѣгу!

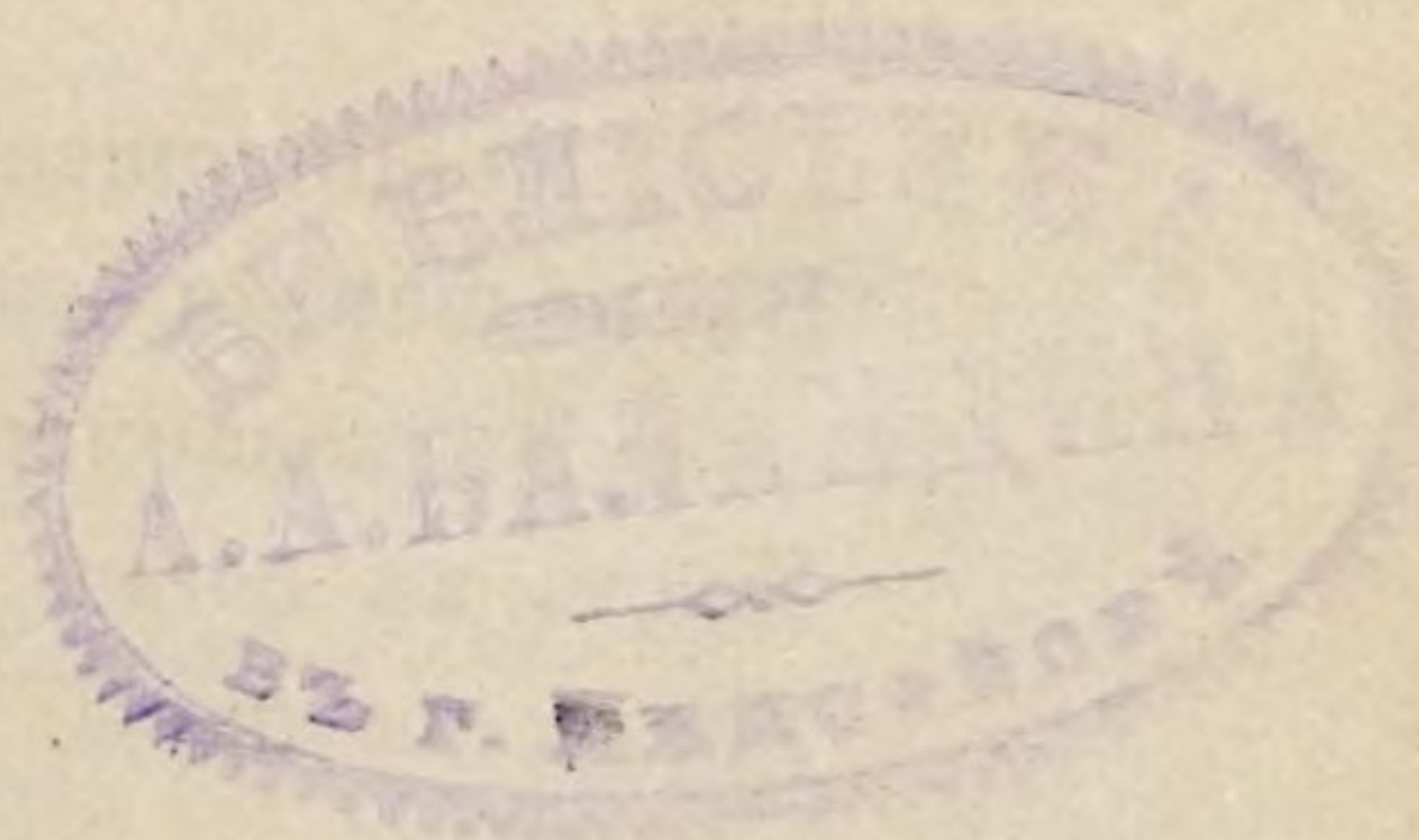
А въ походѣ? Какъ пологъ зеленый,
Укрываетъ отъсюду тайга.
Ѣдешь тихо тропой потаенной;
На вершинахъ бѣлѣютъ снѣга;
Фляги спирта качаются ровно,
Войлокъ мягко лежитъ на выюкахъ;
Стволъ холодный сжимаешь любовно
Въ онѣмѣвшихъ горячихъ рукахъ.

Всѣ копыта покрыты рогожей,
Чтобы топотъ-предатель исчезъ.
Глазъ примѣтливый весь насторожѣ,
Слухъ примѣтливый слушаетъ лѣсъ...
Кровь то стынетъ, то катится въ жилахъ,
Словно будить тайги тишину...—
Миръ бы божій подкинулъ на вилахъ,
И опять подхватилъ, какъ копну!

И пустилъ бы пѣвучую пулю
Въ лобъ пустой казаку-дураку:
Я ихъ зорко всегда караюлю—
И биваль на своемъ ужъ вѣку...
Да, тайга заберетъ за живое,
Душу радъ погубить ни за грошъ,
Такъ и стынетъ, и жжетъ ретивое,
И кудрявѣе словно стаешь!

Да какъ вспомнишь всю жизнь то былую,
Радъ бы пѣсню я такъ затянуть:
— Гей, хозяйва, вамъ грудь удалую—

Патрушева къ себѣ не вернуть!
Что поётъ онъ—пожалуй и смѣло,
Что задумалъ — смѣлѣе того,
А задумалъ, да взялся за дѣло—
Ужъ не струсить тогда ничего!

Старая казарма.

Посвящается Влад. Федос. Голикову.

К а з а р м а — жилище рабочихъ на пріискахъ.

С т а р а т е л ь — внѣ общихъ работъ отыскивающій золото; ему платятъ не за работу, а за золото, по вѣсу; такимъ образомъ поднимаемое, золото называется п о д ъ е м н ы м ъ .

— Ей вы, старатели, на сломъ
Казарма старая пойдетъ;—
Бери метлу, лопату, ломъ,
И двигайся въ походъ!
Пошарь, почисти, поскреби
Въ любомъ ея углу,
И для промывки отгреби
И грязь, и тряпки, и золу!

Бѣдовый золото металлъ:
Проникнетъ всюду, какъ песокъ;
И не замѣтишь, какъ присталъ

Къ подошвамъ онъ сапогъ,
Въ подвертки влѣзъ, залѣзъ въ штаны,
Въ казарменную щель,
Упалъ въ очагъ, и у стѣны
Упалъ на нары, на постель.

Скреби и чисти—промывай;—
А коли золото найдешь,
То, какъ подъемное, сдавай
Въ контору—не за грошъ,
А, какъ по вѣсу отойдетъ—
Получишь все путемъ.
Вали, старатели: идетъ
Казарма старая на сломъ! —

Таковъ приказъ. И, какъ потокъ,
Шумитъ рабочая толпа.
Забралъ-бы всякій все, что могъ:
Какъ будто со слѣпца
Суютъ другъ другу въ руки ломъ,
Ненужную кайлу;
Галдятъ, ругаются кругомъ
И дѣлятъ рваную метлу...

Вотъ собрались. Идутъ, какъ строй,
Но не смолкаетъ шумъ и крикъ.
Всѣмъ руководить, какъ герой—
Командуетъ старикъ.
Остричь и шутить молодежь:
Удары, брань и смѣхъ,—

Веселыхъ шутокъ не сочтешь,
И нѣтъ предѣла для потѣхъ.

Пошли иные лихо въ плясъ—
Спиной поводятъ на ходу;
И пѣсней грянуть всѣ заразъ
Давно ужъ на ладѹ;—
И съ пѣсней пѣсвистъ удалой
Раздался и слился...
Идутъ старатели толпой,
Берутъ все выше голоса...

Вошли въ казарму. Пыль и мракъ,
И духота, и пустота.
И у толпы суровый шагъ
Вдругъ замеръ. Изъ рта
Не рвется пѣсня, свистъ умолкъ,
Гремитъ лишь стукъ сапогъ.—
И раздается мрачный толкъ,
Едва шагнули за порогъ:

—Ишь, дьяволъ, словно не жилье!—
—Стара, голубушка, стара.—
—Эхъ, братцы, пожили бъ съ мое:
Знакома конура,
Живаль я въ ней...—Не все равно!
Въ такихъ и мы теперь,
Поболѣ, развѣ, что окно,
Да будетъ шире, нешто, дверь...

— Ну да, толкуй! Тутъ что ли печь?
Тутъ просто курево—очагъ.
А глянь на нары: узко лечь,
Перекоробъ ихъ врагъ!
И сыръ была здѣсь: ишь, гляди:
Все плѣсень, гниль...—Да что!
Ты посравни, да посуди:
Кажись не то, а выйдетъ то!

Въ казармахъ нашихъ не дымить,
Пошире нары—слова нѣтъ,—
И сыръ не штука: будь лишь сытъ,
Да во время согрѣтъ...
Да только въ нашихъ конурѣхъ,
Аль въ этой—все равно—
Ломота таже шла въ костяхъ,
Небось, что нынѣ, что давно!

Небось такимъ же потомъ здѣсь
Мужичья плакала спина...
А нашу грязь попробуй свѣсь,—
Что нами снесена
Изъ шахтъ землистыхъ и сырыхъ,
Что въ нашъ впиталась потъ!—
—Того гляди, недобрый стихъ
Здѣсь, братцы, на душу найдетъ!—

—Чего! скреби безъ лишнихъ словъ,
Да больше золота намой,
А на него добудешь штофъ

Съ сивухою самой;—
Да тѣхъ, что гнулись здѣсь давно,
Ты чаркой помяни:
Изъ грязи ихъ милѣй вино—
И наша грязь ему сроднѣ!

Авось, со временамъ и тамъ,
Гдѣ нынче мы кряхтимъ, ложась,—
Дадутъ работу, да не намъ,
Сгребутъ и нашу грязь,
Разыщутъ золото и въ ней,
Да и его пропьютъ!
—Эхъ, плюнь на все: работай, пей,
Да бойся всякихъ пересудъ!—

Пошла работа. Въ тишинѣ
Согнулось низко много спинъ:
Кто теръ метлою по стѣнѣ,
Кто скребъ изъ подъ тесинъ
Наръ покривившихся—тряпье,
Кто въ кучки мѣлъ золу...—
И всякій грустно про свое
Въ своемъ задумался углу...

Запѣвало.

Развѣдка — изысканіе золота на неизвѣдан-
номъ, новомъ мѣстѣ.

Мясни́ку качать — выкачивать изъ шахты жид-
кую землю.

Становой — помощникъ управляющаго на золо-
томъ приискѣ, завѣдующій станомъ прииска.

По дебрямъ таёжнымъ везли паровикъ;—
Дорога была тяжела:
Топоръ въ эти дебри недавно проникъ,
Лопата недавно прошла;—
Везли на развѣдку: мяснику качать
Изъ шахты, пробитой едва;
Коней приходилось не разъ выпрягать,
И людямъ машину самимъ поднимать
Не разъ, и не два...

И вотъ открывается страшный подъемъ,
Пугаетъ его крутизна,—
И нечего думать взобраться конемъ:

Подъемъ — не подъемъ, а стѣна.
Ползетъ онъ въ тѣснинѣ, проходитъ межъ скалъ;
Кедровникъ ползучій надъ нимъ
Гирляндой суровой со скалъ упадалъ
И, словно смѣясь, неудачъ ожидалъ
Усилямъ людскимъ.

— Постромки долой! — приказалъ становой —
Закинь за машину канатъ,
Стань двадцать рабочихъ впередъ, головой,
Да двадцать въ подмогу назадъ.
Пусть спереди тянутъ, а сзади напрутъ...
Да тормазъ-бревно приготовь...
Ну дѣйствуй, ребята! На водку за трудъ...
Сплохуете — ваши же васъ осмѣютъ,
Да въ глазъ, а не въ бровь! —

Впряглись молодцы. Потянули. Кряхтятъ:
Ни съ мѣста — лишь выступилъ потъ.
— Ей вы, напирайте, что стали назадъ! —
Увы хоть одинъ поворотъ
Колеса бы дали: стоитъ паровикъ.
И всѣ, покраснѣвши лицомъ,
Еще потянули. Напрасень и крикъ:
И ноги, какъ будто, и грудь, и языкъ —
Налиты свинцомъ.

— Прибавь еще десять! — кричитъ становой.
И десять еще припряглись:
Поникли подъ лямкой опять головой,

Ступили,—тянуть принялись:
Сильнѣе, сильнѣе,—ни съ мѣста опять...
Холодный лишь потъ на вискахъ,
Да начало въ грудь полегоньку стрѣлять,
Да мускулы болью чуть-чуть подсѣкать
Въ согнутыхъ ногахъ.

Ни съ мѣста, ни съ мѣста...—Еще припряги:
Пусть будетъ теперь шестьдесятъ.
Ребята, на водку! Себѣ вы враги!
Ложися плотнѣй на канатъ!—
Плотнѣе легли. И уста, и чело
Успѣли у всѣхъ побѣлѣть;
А очи сверкали болѣзненно-зло;
И ноги, какъ палки, въ колѣняхъ вело,
А руки, какъ плеть,

Подъ вдавленной грудью повисли теперь,
Земли не касаясь чуть-чуть...
Согнулся рабочій, какъ травленный звѣрь, —
Хрипнуть-задыхается грудь...
Ужъ крикъ одобренья нейдетъ съ языка:
Въ молчаніи каждый налегъ. —
И тронули словно машину слегка,
Но снова недвижна она и тяжка—
Вонзилась въ песокъ.

— Эхъ, вижу, ребята, себѣ вы враги...
Да ладно. И то не бѣда.
Иванъ-Запѣвало? Гдѣ онъ? Побѣги,

Тащи его, парень, сюда!—
Сказалъ становой одному. Побѣжалъ,
Привелъ запѣвалу мужикъ:
Невзрачный и хилый, и жалокъ, и малъ,
Глазами испуганно Ванька мигалъ,
Головкой поникъ,

И, русыя кудри откинувъ рукой,
Съ испугомъ смотрѣлъ на ребятъ.
— Ей ты, запѣвало, такой да сякой!
Ступай, становися подъ рядъ.
Тянуть не тани: надорвешься какъ разъ:
Ишь ты недоростокъ какой, —
А, только ребята налягутъ заразъ,
Ты тутъ-то, любезный, немедля, сейчасъ
И пѣсню запой!—

Робѣя, припегся неловко Иванъ,
Покашлялъ чуть-чуть, побряхтѣлъ;
Въ глазахъ его словно поднялся туманъ;
Онъ словно исчезнуть хотѣлъ:
Весь съёжился робко подъ лямкой своей...
Но только шагнуть онъ успѣлъ,
Глаза его сдѣлались больше, свѣтлѣй, —
Онъ голову поднялъ, шагнулъ посмѣлѣй,
И тихо запѣлъ.

Блѣдны, безучастны, шагнули и тѣ,
Что грудь ужъ могли надорвать.
Но съ пѣсней Ивана въ ихъ каждой чертѣ

Вниманіе стало дрожать;
И головы по́дняли тихо они,
И крѣпче легли на канатъ.
Иванъ выводилъ переливы одни,
И слышалось въ пѣснѣ: тани да тани,—
Ни шагу назадъ.

И слышалась въ пѣснѣ печаль и тоска,
Унынье безъ жалобъ и слезъ.
А пѣсня лилась—трепетала слегка,
И голосъ пѣвца будто росъ.
Безпечнѣй унынье дышало все въ ней,
Въ той пѣснѣ народно-простой;—
И груди на лямку ложились плотнѣй,
И груди отъ лямки-ль болѣли сильнѣй,
Отъ пѣсни ли той,—

Но боль та манила впередъ и впередъ...
Трещаль, подавался канатъ.
Безпечнѣй, безпечнѣй все пѣсня стаетъ,
И очи Ивана горятъ...
Все ниже онъ русую голову гнетъ,
Все выше и выше чело
Подъемлетъ усталый рабочій народъ...—
И двигаетъ пѣсня всѣ груди впередъ,
Какъ лодку — весло.

И удалью стала безпечность пѣвца,
И посвистомъ пѣсня пошла...
То кудри откинетъ Иванъ отъ лица,

То гикнетъ: была не была!
И льется, и вьется удалый напѣвъ,
Все туже, да туже канать...
Рабочіе тянутъ, да тянутъ, присѣвъ;
А Ванька кудрями, какъ гривой левъ,
Трясетъ пѣснѣ въ ладъ...

И удалъ той пѣсни и болью полна,
И къ боли презрѣньемъ лихимъ...
И посвистомъ стонетъ, и плачетъ она,
Смѣется уныньемъ своимъ...
Все тверже и тверже рабочихъ шаги,
Все туже да туже канать...
— Стой, черти, довольно! себя береги...
Да стойте же, стойте! себѣ вы враги:
Везутъ, не глядятъ!

Довольно: встащили!—И стала толпа.
Всѣ блѣдны, въ холодномъ поту.
И смотреть—не видятъ: глядятъ сослѣпѣ;
Лишь чувствуютъ: сухо во рту,
По тѣлу какъ будто бы молнія шла,
И вынесло тѣло грозу...
А кручь, что пугала, внизу ужъ была,
И также надъ нею висѣла скала
Далѣко внизу...

Встащили, встащили. И ровнымъ путемъ
Машину далѣко влекли—
До самага спуска. И здѣсь-то съ трудомъ

Едва удержать ихъ могли:
Едва услышали въ забвеньи своемъ
Начальства отчаянный крикъ.
И въ пропасть легко бы съ глухимъ торжествомъ
Увлекъ, задавилъ бы на спускъ крутомъ
Ихъ всѣхъ паровикъ.

Встащили, встащили... И поняли вдругъ,
Что дрожь ихъ трясетъ все сильнѣй,
И словно обрывки несознанныхъ мукъ
Ростутъ и скопляются въ ней...
И поняли вдругъ, что едва на ногахъ
Они отъ безсилья стоятъ.
И поняли ясно, что боль, а не страхъ,
Терзаетъ ихъ жутко въ груди и плечахъ,
Гдѣ тѣрь ихъ канатъ...

Безумьемъ, забвеньемъ имъ пѣсня была,
Въ груди ихъ зажглася, какъ гнѣвъ—
О слабости память собою сожгла...
Но, страшную кручь одолѣвъ,
Больны и безсильны бѣдняги стоятъ,
И стынетъ на тѣлѣ ихъ потъ...
—Ну, Ванька!—разбитою грудью хрипятъ—
Не самый ли дьяволъ, не цѣлый ли адъ
Въ ёмъ, братцы, поетъ?

—И то! погляди-ка-сь: безъ дѣла небось,
Для вида держась за канатъ,
Бѣжалъ онъ, а тоже измученъ,—хоть брось,

Пожалуй и самъ то не радъ!
Возьмись,—поколдуй-ка! Ужъ чертъ истомить,
Коль вѣрный ты дьяволу рабъ!—
—Ну врите!...—А Ванька и вправду сидитъ,
Глазами угрюмо глядитъ-не-глядитъ,—
Измученъ и слабъ...

Таёжная опричнина.

Таёжны́й —принсковый.

Отва́ль — отбросъ земли и гальки отъ промывки
золота.

Въ своей странѣ великихъ горъ,
Дыша отвагой и свободой,
Сыновъ Кавказа гордый взоръ
Встрѣчался съ грозною природой;
И загоралася душа
Борьбы и боя жгучей жаждой;—
И, противъ чести не грѣша,
Изъ нихъ разбойникомъ былъ каждый.

Когда жъ вступили въ грозный бой
За горы вольныя отчизны,—
Проснулся въ хищникѣ герой
И воинъ, чуждый укоризны.
Съ врагомъ схватились грудь о грудь,—
И въ снѣговой Казбекъ порфирѣ
Одинъ, быть можетъ, видѣлъ путь
Своихъ дѣтей въ снѣга Сибири...

Увы, безмолвень былъ Казбекъ,
Когда, гяурами разбиты,
Сыны Кавказа кончить вѣкъ
Шли въ край суровый и забытый,—
Шли, волоча кольцо цѣпей,
Надвинувъ сумрачно папаху;—
И грозный взоръ еще грознѣй
Былъ чуждъ отчаянью и страху...

И мысль внезапная пришла
У тѣхъ, чья власть повелѣвала:
На золотые промысла
Отправить пасынковъ Дарьяла,—
И тамъ, изъ нихъ создавши рать
Покою сторожей умѣлыхъ,—
Толпѣ грозой ихъ указать
Повиновенія предѣлы.

Имъ дали ружья и коней,
И столь любезные кинжалы:
И ненавистнѣй, и грознѣй
Сверкнулъ ихъ взоръ глубоко-впалый.
Высоты дикія тайги
Имъ край родной напоминали:
И вновь,—спокойствія враги,
Въ нихъ звѣри хищные возстали.

Предъ ними золото лилось,
Вино ходило тихомолкомъ;
И, пропитавши всѣхъ насквозь,

Равняла алчность съ дикимъ волкомъ
Въ краю безлюдномъ всѣхъ людей;
И всякій кралъ и пилъ подъ спудомъ...—
И все надменнѣй и грознѣй
Черкесь скакалъ по камня грудамъ,

Вѣзжая гордо на отвалъ.
Черкесь давно и самъ былъ воромъ,
Но воровство то не считалъ
Ни преступленьемъ, ни позоромъ:
Какъ ястребъ курицу когтитъ
Въ лѣсу глухомъ и сокровенномъ,
Такъ дикій хищникъ честный видъ
Хранилъ увѣренно-надменно.

Вина не пьетъ онъ: Магометъ,
Онъ оцѣнилъ твою услугу:
— «Когда въ умѣ дурмана нѣтъ,
Въ немъ больше хитрости, досугу;
И больше ловкости въ рукахъ;
Глаза все зорче замѣчаютъ;
Ни дерзость пьяная, ни страхъ,
Ни болтовня не помѣшаютъ...

А этотъ пьяный русскій скотъ
И въ воровствѣ презрѣнъ и жалокъ:
Онъ въ шахтахъ роется, какъ кротъ,
Въ острогахъ зналъ не мало палокъ,—
А неумѣетъ и украсть:
Украдетъ,—сбудетъ за безцѣнокъ,

Чтобъ выпить шкаликъ и попасть
Подъ то же иго...»—И оттѣнокъ

Презрѣнья къ жалкому скоту
Въ чертахъ черкеса возрастаетъ.
Съ проклятьемъ дерзостнымъ во рту
Онъ на рабочихъ наѣзжаетъ,
Рукою стиснувъ свой кинжалъ,
Кичась довѣренною властью.—
И сынъ свободный гордыхъ скалъ
Въ неволѣ сталъ рабовъ напастью.

Сталъ соглядатаемъ черкесь,
Какъ ястребъ, зоркимъ, ненавистнымъ.
Звѣрь безкорыстный въ немъ исчезъ:
Соображеніемъ корыстнымъ
Кинжаломъ вновь вооруженъ,
Украшенъ властью надъ толпою,
Онъ былъ невольно развращенъ
Своей надменностью слѣпою...

И озарила радость ликъ
У тѣхъ, чья власть повелѣвала:
Не самохвалъ, не клеветникъ
Былъ сынъ далекаго Дарьяла,
И не лѣнтяй, какъ казакъ:
Въ немъ воинъ жилъ не по указу.
Угрозѣ жилистой руки
Рабочій вѣрить станетъ сразу:

Нѣтъ у нея пустыхъ угрозъ,

И слишкомъ близко дѣло съ словомъ...
Но тайный ропотъ тихо ростъ
Въ толпѣ, въ молчаніи суровомъ...
И, съ тайной силой не знакомъ,
Не зажигавшей даже взора,
Разбойникъ, ставшій казакомъ,
Не ждалъ ни мести, ни отпора.

Когда жъ презрѣнный русскій людъ,—
Орава пьяная рабочихъ,—
Безъ лишнихъ шумныхъ пересудъ,
Все потупляя также очи,
Вдругъ безтолково зашумѣлъ,
Сыновъ Кавказа принялъ въ колья;—
И изъ сыновъ тѣхъ не умѣлъ
Никто въ лѣса, или въ подполья,

— Чтобъ избѣжать народа мечь,—
Упрятать голову позорно;
Когда проснулась въ горцѣ честь,
И схватка шумная упорно
До боя смертнаго дошла,—
Тогда невольно стало ясно,
Что честнымъ ввѣрить силу зла,
Ихъ развративъ, не безопасно...

А у т о д а ф е.

П о с к о т и н а — отгороженное при въѣздѣ въ
деревню мѣсто для пастбища скота.
П р и с к а т е л ь — рабочій на п р и с к а х ѣ.

Шла съ работъ послѣ расчета
Пріискателей гурьба.
Съ плечъ работа и забота,
Близко пьянство и гульба:
Путь безлюдный ужъ кончился—
Онъ тянулся ночь и день:
Изъ-за лѣса показался
Дымъ желанныхъ деревень.

Ужъ поскотина открыта,
А за нею, у воротъ,—
Хлѣбъ и водка не забыта,—
Ждетъ-привѣтствуетъ народъ;
И давно нашили бабы
И рубахъ, и шароваръ:
Съ пріискѣвъ ребята слабы
До обновъ: и младъ, и старъ—

Всѣ берутъ себѣ одѣжу,
А обѣ торгѣ ни гу-гу,
Развѣ плюнуть бабѣ въ рожу,
Сыпля щедрую деньгѹ,
Да прикрикнуть:—Ей, Авдотья,
Молъ, напрасно не зѣвай:
Скидавай съ меня лохмотья,
Чтò лучше надѣвай!—

Лишь одинъ старикъ суровый,—
Пилъ онъ молча, хмуря взоръ,—
Снялъ старье, надѣлъ обнѡвы,
Разложилъ вблизи костеръ,—
И, готовъ зажечь огнивомъ
Шишки, сучья и щепье,
Положилъ неторопливо
На костеръ свое тряпье.

— Дѣдко, стой!— завыли бабы: —
Лучше намъ его отдай!—
Улыбнулся дѣдко слабо,
Проворчалъ лишь:—Не замай!
— Да отдай имъ—убѣждали
Старика и мужики: —
Аль огня мы не видали!—
Раздувая угольки,

Засверкалъ старикъ очами
И во весь поднялся ростъ:
—Гмъ! не всѣмъ быть дураками:
Я не такъ, ребята, простъ,—

Молвилъ онъ:—Изъ Забайкалья
Поумнѣе васъ народъ:
Тамъ послѣдняя р-ракалья
Все до ниточки сожжетъ!

Знають тамъ: нахлещешь глотку,—
Сколько ты не горлопань,
Обдерутъ тебя въ охотку;
А твою же дрянъ и рванъ
За послѣднюю копѣйку,—
Чтобъ прикрыть пропойцѣ стыдъ,—
Та же баба-лиходѣйка
Сбыть тебѣ же норовить.

Не спалишь,—отдашь ей съ пьяна,
А спалишь,—пошелъ хоть голъ,
Да съ пріискомъ безъ изъяна
Богъ раздѣлаться привелъ:
Не надѣнешь ужъ сермяги,
Чтò таскалъ, какъ грязный песъ!...—
И, сказавши, чарку браги
Дѣдъ товарищамъ поднесъ.

И зажегъ костеръ готовый,—
И, величественъ и старъ,
Ждалъ серьезно и сурово...
И пошелъ тяжелый паръ
Отъ одежды перепрѣлой—
Изъ любой ея дыры...
А толпа уже шумѣла
И готовила костры...

Черезъ мракъ къ свѣту.

Посвящается Витязеву.

I.

Спускался въ шахту я. Въ рукѣ моей несмѣлой,
Дымясь, свѣча кругомъ сгущала тѣнь,
И подъ ногой оцѣпенѣлой
Скользила лѣстницъ мокрая ступень.
Все меньше свѣтъ казался надо мною,
Отверстье шахты уже было все,—
И, окружень землистою стѣною,
Я согнутой томительно спиною
Задѣтъ боялся за нее.

Система лѣстницъ мрачной паутиной
Все ниже шла, и робко я скользилъ
То подъ широкою тесиною,
То подъ подобіемъ перилъ:
То были все площадки и подпоры...
Ступени, связи путались, какъ сѣть...
При взглядѣ внизъ старались взоры

Хотя огни во мракѣ разсмотрѣть...
Въ холодномъ воздухѣ, сыромъ и полномъ влаги,
Мерцали тѣ огни, блуждая тамъ и здѣсь;—
И мой огонь мерцалъ при каждомъ шагѣ,
И трескъ свѣчи шипѣлъ:

— Въ терпѣнны и отвагѣ
Все ниже лѣзь, все ниже лѣзь!
Мерцаю я и, можетъ быть, погасну,
Но для тебя одинъ исходъ:
Ежеминутно, ежечасно
Все ниже въ тьму, все въ тьму впередъ!—

II.

Спустился я. И чувствовалъ, что люди
Вокругъ меня въ заботахъ и трудѣ,
Что тяжело дышать усталой грудью
Что гнутся всѣ, что мѣста нѣтъ нигдѣ,
Свободнаго отъ согнутаго члена,—
Отъ ногъ и рукъ, головъ поникшихъ, спинъ...
За заступы мои цѣплялися колѣна,
И чувствовалъ я здѣсь, что я въ толпѣ одинъ:
Всѣхъ давить трудъ, терпѣніе, иль злоба;
Всѣ дышутъ воздухомъ однимъ,
И этимъ воздухомъ до гроба
Пришлось бы жить, быть можетъ, имъ;
Но ихъ лишитъ онъ силы прежде
И не вернетъ сюда опять,
Чтобъ дать имъ, чуждымъ счастьемъ и надеждѣ,

На солнцѣ жалко умирать...

А я? Я видѣлъ: змѣи-корридоры
Ползли въ утробу матери-земли,
И гнулись подъ ней тяжелыя подпоры,
И устрашали, и гнели;
Кайла взлетала въ тягостномъ размахѣ,
И сыпалась земля, и съ нею тотъ металлъ,
Что́ этотъ людъ въ почтеніи и страхѣ
И нынѣ держать, и держалъ.

И видѣлъ я, что я пришелъ лишь видѣть,
Что я пришелъ лишь «наблюдать»
Туда, гдѣ надобно терпѣть, иль ненавидѣть,
Туда, гдѣ мало сострадать...

И все моя свѣча мерцала,
И трескъ ея опять шипѣлъ:

— Увы, увy! здѣсь свѣту мало,
Чтобъ ясно все ты разглядѣлъ:
Рабочихъ тягостнымъ дыханьемъ
Дыши ты здѣсь, дыши ты здѣсь!
Имъ надышись, и, съ новымъ колебаньемъ,
Ты къ свѣту лѣзь, ты къ свѣту лѣзь!
Погасишь самъ меня, приблизясь къ свѣту,
Но тотъ же будетъ твой исходъ:
Все глубже въ тьму, въ трущобу эту,—
Все выше въ свѣтъ, все въ свѣтъ впередъ!—

III.

Изъ шахты вышелъ я. Тепломъ и лаской
нѣжной

Лучи роняло солнце мнѣ на грудь:
Животворя всю землю, властно и небрежно
Оно свершало свой обычный путь.
Бѣлѣли травы іскристой росой,
И волны рѣкъ ласкали берега,
И, полной силъ, зеленой полосой
Въ сіяньи дня раскинулись луга.
Душа моя вся таяла глубоко
И, какъ рѣка въ весенній ледоходъ,
Живымъ волненьемъ смѣло и широко
Ломала иго скорби и заботъ...

Стоялъ у шахты я...И былъ смущенъ
нежданно:

Рабочему въ нее я путь загородилъ.
Онъ ждалъ покорно. Холодно и странно
Въ его устахъ не смѣхъ бродилъ,
Не судорога тяжкаго укора,
А утомленья тайнаго порывъ.
Не отводя отъ шахты взора,
Какъ будто тягостно застывъ,
Онъ на кайлѣ задумчиво покоилъ
Мозолистой руки холодную ладонь,
Онъ точно говорилъ:

—Чего бы я ни стоилъ,
Ты лѣнь мою упреками не тронь:
Лѣнивъ ли я, усталъ ли я,—не знаю,
Но видишь: я подъ землю ухожу;
Ищу чего-то, что-то добываю,
Кому-то что-то нахожу...
Ввалилась грудь моя, въ морщинахъ обликъ
темный,
Все тѣло—кость, а кожа—лишь мозоль;
Вся жизнь— въ работѣ неподъемной
Въ привычку выросшая боль...—

Стоялъ рабочій. Ярко и жестоко
Къ его фигурѣ солнца лучъ приникъ,
И рисовалъ спокойно, безъ упрёка:
И равнодушный этотъ ликъ,
И опустившіяся руки,
И эту вдавленную грудь...
Свѣчу я погасилъ. Иные звуки,—
Не трескъ свѣтильни, слышимый чуть-чуть,—
Казалось мнѣ, гремѣли не смолкая:
То солнце рѣчь суровую вело,
Всего меня сіяньемъ проникая:

— Тебѣ свѣтло, тебѣ тепло,
Но въ этомъ свѣтѣ всемогущемъ,
Куда бъ ни двинулись вы всѣ,
Предстанетъ вамъ видѣніемъ гнетущимъ
Въ незабываемой красѣ
То, что ты видишь: въ тьмѣ невольно

Васъ что-то мучить, какъ кошмаръ,
И непонятно вамъ, и больно,
И чей-то страшенъ вамъ ударъ...
Вы рветесь къ свѣту...вы достигли,
Васъ озарилъ небесный свѣтъ,
Вы непонятное постигли,
Но вамъ отрады нѣтъ, и нѣтъ:
Вопросъ великій тягостнаго вѣка
Предъ вами озаренъ и ясенъ весь...
И слышитъ нравственный калѣка:
— «Все ниже лѣзь, все ниже лѣзь;
Будь вѣренъ грозному завѣту,
Цѣни скорбей твоихъ исходъ:
Все глубже въ тьму, все выше къ свѣту,
Все неизбежно впереди!» —

Первый Спасъ.

Б а р а б а — степное пространство въ Западной Сибири.
Д в у ж и л ь н ы й — крѣпкій, сильный, здоровый.
Ш а р к у н е ц ь — бубенчикъ.

Оживленіемъ веселымъ
Бараба вся говоритъ:
Всюду слышится по сѣламъ
Топоть множества копытъ:
Скачутъ дѣти въ перегонку,
Или мчатся всѣ заразъ:
Править конская сторонка
Конскій праздникъ—Первый Спасъ.

Ѣдутъ юноши-подростки,
Какъ казаки на смотру;
И порою словомъ хлѣсткимъ
Всѣмъ ребятамъ понутру
Перекинутся съ дѣвченкой—
Захохочутъ всѣ заразъ:
Править конская сторонка
Конскій праздникъ—Первый Спасъ.

Много ихъ на кѣняхъ сильныхъ,
Парень парня удалѣй:
Сторона коней двужильныхъ—
Край двужильныхъ и людей!
Перетянуть станъ ихъ тонкій,
И горятъ шеренги глазъ:
Править конская сторонка
Конскій праздникъ—Первый Спасъ.

Ѣдутъ тихо, Ѣдутъ важно,
Горяча коней слегка;
И откинута вальяжно
Съ плеткой лѣвая рука.
И отрывисто, и звонко
Шаркунцы гудятъ заразъ:
Править конская сторонка
Конскій праздникъ—Первый Спасъ.

Сколько ихъ! Такъ въ полѣ ратномъ
Скачетъ въ бой за строемъ строй.
Ходятъ кости въ парнѣ статномъ,
Парень праздника герой.
И хохочутъ дѣвки звонко—
Ищутъ въ строѣ милыхъ глазъ:
Править конская сторонка
Конскій праздникъ—Первый Спасъ.

Лошадь лошади могучѣй:
Грудь и плечи—словно печь,
И космами, будто тучей,

Гривамъ къ шеѣ не прилечь.
Матка кличетъ жеребенка,
И косить свой умный глазъ:
Править конская сторонка
Конскій праздникъ—Первый Спасъ.

Пыль вздымають жеребята,
И за ними скачутъ псы.
А удалые ребята,
Подбоченясь для красы,
Изгибають станъ свой тонкій
И коней пускають въ плясъ:
Править конская сторонка
Конскій праздникъ—Первый Спасъ.

И для дѣвокъ за горохомъ
Скачетъ парень не одинъ.
И, смутивъ переполохомъ
Сонъ гороховыхъ тычинъ,
Всѣ въ горохѣ, скачутъ звонко,
Только видно пару глазъ:
Править конская сторонка
Конскій праздникъ—Первый Спасъ.

Руки вскинуты высоко,
Неуклюжъ лошадокъ скокъ;
Слышенъ свистъ и крики:—Но-ка,
Но-ка, но-ка, меренокъ!—
Мчатся парни въ перегонку,—
И предъ дѣвкой стали въ разъ:

Править конская сторонка
Конскій праздникъ—Первый Спасъ.

Гладя бороды съ улыбкой,
Разсуждаютъ мужики:—
Конь у насъ въ селѣ не хлибкій,
И ребята—мастаки:
Понимають дѣло тонко...
Такъ ли, друже, дядя Власъ?—
Править конская сторонка
Конскій праздникъ—Первый Спасъ.

Всѣ заваленки старухи,
Причитая: ахъ да охъ,
Облѣпили, словно мухи—
Все жуютъ, жуютъ горохъ;
И, причавкивая звонко,
Не сведутъ съ лошадокъ глазъ:
Править конская сторонка
Конскій праздникъ—Первый Спасъ.

Даже ты, парнюга малый,
Сынъ голодный бѣдняка,
Отъ другихъ ребятъ отсталый,
Весь въ лохмотьяхъ армяка, —
Съ видомъ мокраго котѣнка
Не потупишь свѣтлыхъ глазъ:
Править конская сторонка
Конскій праздникъ—Первый Спасъ...

На послѣдней ты кобылѣ,
Что едва отецъ сберёгъ...
Пусть давно кобыла въ мылѣ,
Всѣхъ догналъ бы паренёкъ,—
Да пузата лошаденка,
Отъ соломы расползлась...
Править конская сторонка
Конскій праздникъ—Первый Спасъ...

Н О В О С Ё Л Ы.

Посвящается А. И. Ефимову.

Н о в о с ё л ы — переселенцы.

Все лѣто дождь поить лѣса и нивы.
И, поднимаясь, грозные разливы
Изъ береговъ выносятъ воды рѣкъ.
Всѣ отмели глубоко исчезаютъ;
На побережья волны выползаютъ
И растекаются. И человѣкъ
На пышный лугъ съ травой небывалой,
На хлѣбъ, возросшій выше головы,
Взираетъ молча съ горестью усталой:
Ни хлѣба сжать, ни выкосить травы
Увы, надеждъ ненастье не давало;—
Къ послѣдному страды суровой дню
Переростетъ все жалко на корню.

А вдоль дорогъ, какъ новые протоки
Нежданныхъ рѣкъ, и грязныхъ и широкихъ,—
Струи спѣшатъ въ промоины стекать,

Смывая грязь и снова намывая.
И солнца лучъ, на мигъ одолѣвая
Нависшихъ тучъ темнѣющую рать,
Потоки грязи въ рывины засушить;
И, надъ землею снова разразясь,
Увы, тѣхъ рывинъ ливень не разрушить, —
Ихъ увеличить новая лишь грязь...
И сбруя лошадей все больше душить,
И я терплю толчки перекладной
Привычными боками и спиной.

На встрѣчу мнѣ идетъ обозъ кибитокъ.
Старухи въ нихъ на рухляди пожитокъ
Съ тупымъ терпѣньемъ молча улеглись.
Скрипѣлъ холщевый кузовъ надъ тѣлегой;
Изъ подъ него съ какой-то грустной нѣгой
Дѣтей головки свѣшивались внизъ
И на затылокъ ливень принимали.
И, опустивъ усы свои на грудь,
Съ бичемъ въ рукахъ «хозяева» шагали.
А дѣвушки, спѣша перешагнуть
Промоины и лужи, подбирали
Края одежды, — ноги обнажа,
Отъ сырости и ежась, и дрожа.

Изморены, измучены дорóгой,
Едва шагали лошади. Убого
И слабо упряжь терлась на бокахъ;
Нерѣдко на шлеѣ была заплата.
Уныло шли за маткой жеребята,

И песь,—едва въ пути онъ не зачахъ —
Языкъ повѣсивъ, съ робкою мольбою
Глядѣлъ въ глаза хозяевамъ своимъ.
Кой-гдѣ подростки двигались гурьбою,
И шель, отставъ, ребенокъ-нелюдимъ.
Иные волочили за собою
Сухую ель — находку на дрова... —
Ложилась слѣдомъ мокрая трава.

Въ зубахъ мущинъ ихъ трубки угасали;
Иные трубку, молча, все сосали,
А въ ней табакъ отъ сырости потухъ.
И, выжимая мокрая рубахи,
Молчали всѣ въ уныніи и страхѣ,
Что перевестъ недасть имъ ливень духъ.
На лицахъ темныхъ, рѣзко исхудалыхъ,
Одно сознанье было лишь: идти —
Везти дѣтей, старухъ,—больныхъ и малыхъ,—
Идти-везти по всякому пути;—
И, не щадя ни слабыхъ, ни усталыхъ,
Достичь того, что мило такъ вдали:
Не паханой, не мѣряной земли.

Земли, земли! Казалось это слово
Въ чертѣ любой, задумчиво-суровой
Всѣхъ этихъ лицъ стояло, какъ мечта.
Земли, земли!—мужчинъ, казалось, губы
Молить готовы сумрачно и грубо;
Земли!—казалось, дѣтскія уста
Такъ жалобно-печально лепетали,

А эти мускулы суровыхъ рукъ,
Какъ будто мощно вылитыхъ изъ стали,
Казалось, молча вытянутся вдругъ,
Моля ладонью поднятой у дали—
Сокрытаго въ желанной той дали
Клочка земли, непаханой земли!

Я ѣхалъ все. И шли все новосёлы.
И ливень шелъ. Тянулся путь тяжелый
Изъ ямы въ ровъ, изъ рытвинъ на откосъ;
И, словно въ морѣ бурномъ парусами,
Бѣлѣлъ, колеблясь мокрыми холстами
Покрышекъ жалкихъ, вымокшій обозъ.
И думалъ я, все думалъ безконечно,
Все думалъ я и сердцемъ, и умомъ
О силѣ той, что такъ безчеловѣчно
Толпу гнала покинуть отчій домъ,—
Ту хату въ куцахъ вишеня, гдѣ вѣчно
Имъ завѣщали дѣды исконнѣ
Въ трудѣ сносить нерадостные дни.

И думалъ я, что нѣтъ сильнѣй той силы.
Предъ ней безсильны праотцевъ могилы.
Подобна вѣрѣ—твердостью своей,
Подобна неизбѣжностью—природѣ,
Она одна создастъ людей въ народѣ,
Создастъ народъ, быть можетъ, изъ людей:
Не даромъ въ край она ихъ дальнѣй гонитъ,
Въ мою страну забытую зоветъ...
Пускай же ливень колосъ низко клонитъ,
Пускай разливомъ многое зальетъ,

И не одно зерно въ грязи потонетъ,—
И пусть толчки въ своей перекладной
Проѣзжій мимо—вытерпитъ спиной!...

Н е п о м н я щ і е.

Посвящается М. П. Михеевой.

Ш а н ь г а—родъ ватрушки.

— Давно то было — начинала
Такъ сибирячка свой рассказъ—
О прошломъ помню я не мало,
Но это въ память такъ запало,
Что словно вижу я сейчасъ.
То было въ пору польской смуты:
Лишь года два, какъ манифестъ
Съ крестьянства снялъ былыя путы,—
Закрѣпощенья тяжкій крестъ.

Я помню: новое строенье
На дачѣ мужъ мой возводилъ,
И лѣсъ на балки и на звенья
Намъ мужичекъ одинъ возилъ.
Возилъ тотъ лѣсъ онъ по подряду
И занимался тѣмъ всегда.
Къ простонародному наряду

Такъ шла густая борода
И взглядъ его, прямой и ровный,
И скорби слѣдъ во взглядѣ томъ,
И на работѣ хладнокровный,
Самоувѣренный пріёмъ.

И съ нимъ, всегда одѣта чисто,
Лошадкой правя, шла жена.
Широкобедренна, плечиста,
Но какъ-то мягко сложена,
Была красива молодуха
И грустно-ласкова лицомъ.
И такъ плѣнительно для слуха
Въ покоѣ радостномъ своемъ
Ея привѣтъ звучалъ, бывало,
И понуканіе коня;
А съ мужемъ рѣчь напоминала
Тепло безвѣтреннаго дня.
И мнѣ, повѣрьте, не случилось
Счастливей пары увидать.

Разъ молодуху я рѣшилась
Чайкомъ побáловать позвать.
И повели у самовара,
На пальцахъ блюдечки держа,
Мы рѣчь о нѣвостяхъ базара,
О средствахъ противъ падежа
Среди скота—ставалъ онъ хуже —
Потомъ о шáньгахъ рѣчь была;
Но помянула я о мужѣ,—

Она на мужа рѣчь свела.
И, зарумянясь вся неожиданно
Въ лукаво тихомъ торжествѣ,
Она сказала какъ-то странно,
Съ какой-то думой въ головѣ,
Съ полу-улыбкой, съ полу-горемъ:

— Вѣдь мой Иванъ то—милуй Богъ!—
Хоть мы живемъ-то и не споримъ,
А отъ живой жены убѣгъ.
Вишь, крѣпостной онъ. Было жутко,
И далъ онъ тягу отъ господъ.
Въ бѣгахъ помаяться не шутка:
Онъ страху сердце изомрѣтъ.
Да на бѣду его словили:
Какъ онъ безъ паспорта,— въ Сибирь!
Ну, здѣсь въ острогѣ потюмили,
А отбылъ срокъ—вольгота, ширь,—
Куда складнѣй, чѣмъ на оброкѣ!
Сталъ хлопотать тутъ Ваня мой:
Работы здѣсь за обѣ щѣки,—
Не заохотить и домой.
Тутъ встрѣлась я. Минуло сроку
Пять лѣтъ,— безвѣстенъ о женѣ...
А жилъ онъ честно, безъ упрѣку—
И полюбился больно мнѣ.
Какъ срокъ то ми́нулъ, что безвѣстенъ
Онъ о супругѣ то своей,
И повѣнчали насъ...

— Коль честенъ,
Да любовь тебѣ — чего ладнѣй! —

Я поддержала молодуху,
Въ рукахъ все блюдечко держа,
И, — своему не вѣрю слуху —
Вдругъ слышу сзади:

— Госпожа!

Что толковать о томъ, что ладно...
Спроси её, — почтò тотъ ладъ!
Индѣ — и съ виду то нарядно,
А колупни — не будешь радъ.
У насъ, что съ виду — то на дѣлѣ...
Ходъ я про Дарью колупну?
Скажи-ка, Дарьюшка въ самъ-дѣлѣ
Ты не про первую жену
Да не про мужа-поселюгу,
Скажи, ему не согрубя,
Ты про вторую то супругу:
Просыпь-ка, Дарьюшка, себя! —

Такъ, стоя тихо за спиною
У насъ, мужъ Дарьи говорилъ.
И вздоха тихой глубиною
Шутливость рѣчи онъ смягчилъ;
И столько чудилось отрады
Въ той затаённой глубинѣ,
Съ такой задумчивостью взгляды
Онъ обращалъ свои къ женѣ;
И такъ конфузливо-счастливо
Внимала Дарья, покраснѣвъ,
Той рѣчи ласково-шутливой,
Въ лицѣ стараясь вызвать гнѣвъ

На мужа искренне-притворный, —
Что, не мѣшая ей молчать,
Сама молчала я упорно,
Стараясь все лишь замѣчать.

— Ну то-то! Вотъ и не охота
Свое то выпростать нутрѣ.—
Сказалъ Иванъ.—А отъ него то
И вышло наше все добро.
Ну-съ, поселенецъ, госпожа, я,
Допрежъ того бродяга былъ;
Ну а супруга то вторая,
Что я въ Сибири раздобылъ,—
Такъ и осталася бродягой,
Какъ въ этомъ званіи была!

Мужикъ бѣжалъ съ ножемъ да флягой;
Во флягѣ водочка жила,
А водка намъ вѣрнѣе брата:
Хватилъ—не струсилъ ни предъ чѣмъ!
А какъ бѣжали вотъ дѣвчата,
А ихъ бѣжало, видишь, семь,—
Да все подростки, да погѣдки,
Да все швеи отъ госпожи,
Да безъ ножа, да и безъ водки —
Вотъ что мнѣ, барыня, скажи!?

Помѣстье было подъ Тамбовомъ;
Была въ немъ Дарья крѣпостной.—
У баръ конца, вишь, нѣтъ обновамъ,—

Не разогнись швея спиной,—
Да и въ такомъ то положеньи
Жди все затрещинъ да пинковъ!—
Бѣжали дѣвки въ нестерпѣньи...

Да только слушай: мужиковъ,
Вишь, изловили—кандалами
Я тоже въ жизни позвенѣлъ,—
А тѣ въ Сибирь явились сами!
Да просто я остолбенѣлъ,
Глазамъ не вѣрю: дѣвка дѣвкой,—
Бѣжала также, какъ и я,
А не словили!—Да издѣвкой
Считала то душа моя!
Терпѣли, надо быть, не мѣнѣ,
Чѣмъ я, скитаясь эку даль,
Небось, и ноги по колѣни
Путемъ избить не стало жаль...
Таскались, скажешь, съ нашимъ братомъ?
Не знаю, всѣ-ль, а вотъ одну
Пропойствомъ что-ли, аль развратомъ,
Аль лѣнью я не попрекну:
На домостройство, на работу
Куда какъ Дарьюшка рѣзва!—
И не попались! До того то
Моя скружилась голова—
Кой-какъ дождался разрѣшенья
Жениться снова—вотъ тѣ Богъ!
Безъ Дарьи нѣту утѣшенья,
Безъ Дарьи просто занемогъ...

А чѣмъ крѣпка такъ наша доля,
Чѣмъ наше счастье скрѣпленò? —
Мутила насъ одна неволя,
Свело скитаніе одно:
Вишь, двухъ «непомнящихъ» вѣнчали,
У насъ фамилья то одна...

Да чтò! испиты тѣ печали, —
Теперь, вишь, волюшка дана...

Иванъ умолкъ. Спина согнулась,
Поникъ онъ русой головой.
А Дарья тихо улыбнулась
И позвала его домой...

Амурская труба.

Въ разгарѣ полномъ Пасха. Балаганы
Зовутъ толпу на людныхъ площадяхъ.
Петрушки визгъ и шутки балагуровъ,
Съ досчатыхъ крышъ все громче раздаваясь,
Съ сіяньемъ солнца словно сговорились:
Во всемъ веселье яркое и жизнь.

И не замѣтишь тайнаго страданья
Въ полубеззубомъ жалкомъ старикѣ,
Когда, дрожа отъ холода на крышѣ
Въ своемъ кумачномъ красномъ одѣяньи,
Однѣ и тѣже шутки повторяя,
Скрываетъ онъ апатіи зѣвоту
Да и тоску, быть можетъ...

Я замѣтилъ.

И стало мнѣ и грустно, и досадно
И за тебя, фигляръ полуголодный,
И за народъ, внимающій тебѣ.
И въ грусти той я словно породнился

Душой съ неизбалованной весельемъ,
Такъ часто чуждой радости толпой.
И увлеченъ былъ ею, какъ потокомъ,
Въ тесовый, низкій, жалкій балаганъ:
Хотѣлось мнѣ въ ея весельи грубомъ,
Неприхотливомъ—тайно погрузить.

Я озирался, сидя на досчатой
Кривой скамьѣ; а съ боку помѣщались
Три музыканта въ праздномъ ожиданьи,
Когда начнется плясъ маріонетокъ,
Чтобъ танцы имъ уныло заиграть.
Одинъ изъ нихъ евреемъ и цыганомъ,
Голоднымъ и грабителемъ глядѣлъ;
Онъ былъ не молодъ, грязенъ и растрепанъ,
И провонялъ виномъ и чеснокомъ;
Бѣлки его кроваво-пьяныхъ глазъ
Блестѣли нагло, хóлодно и злобно.
Другой смотрѣлъ солдатомъ отставнымъ;
Тупой, опухшій, вялый, онъ дремалъ,
Держа трубу, измѣтую безбожно,
Въ своихъ худыхъ, мозолистыхъ рукахъ.
Ребенокъ третій былъ: босой и исхудалый,
Межъ нихъ со скрипкой старой на колѣняхъ
Едва онъ могъ отъ усталости сидѣть.
И, покачнувшись съ сонными глазами,
Толкнулъ солдата мальчикъ, и трубу
Его невольно выронить заставилъ.

— Ну, ты!—ворчалъ, поднявъ ее, солдатъ: —

Она подъ Севастополемъ бывала,
А ты ее, поганецъ, уронилъ!—
Солдаты ворчалъ, дремать опять готовый;
Но полу-жидъ, полу-цыганъ безмолвно
Ребенка въ спину тягостно ударилъ,—
Сверкнули злобой пьяные глаза,
А на глазахъ ребенка встали слезы...
—И подѣломъ тебѣ—сказалъ солдатъ:—
И отъ меня получишь, подожди!—
Ребенокъ поблѣднѣлъ...

А я невольно

Къ солдату ѣдко обратился:—Правда ль,
Что твой тромбонъ попалъ подъ Севастополь?
Не врешь ли ты, служивый?—Анъ, не вру! —
Охотно мнѣ служивый отвѣчалъ:—
Моя труба была и на Амурѣ!
Когда съ французомъ бились мы, да съ туркомъ,
Она была хорошая труба;
Потомъ изъ Крыма, послѣ ужъ войны,
Какъ стала хуже, ну ее послали
Сюда въ Иркутско, въ здѣшній батальонъ;
Ну, а потомъ пошла при Муравьевѣ
И на Амуръ. Оттуда ужъ совсѣмъ
Плоха пришла. Ну какъ-да-какъ терпѣли,
И кинули... А былъ я въ музыкантахъ...
Ну и попользовался... Вотъ тѣ Богъ!

Служивый вралъ ли, правду ль говорилъ,
Не знаю я... Я въ думы погрузился,

И эти думы въ грезы перешли,
И три картины мнѣ нарисовали:

Окопы видѣлъ я. И клубы дыма
Безмолвно поднимались, а за ними
За залпомъ залпъ раскатывался глухо,
Катился, отдавался, замиралъ...
И чуть не годъ, одни другихъ смѣняя,
Шли на редуты люди, и ложились
Безмолвныхъ жертвъ безмолвные ряды.
А кто былъ живъ, тотъ въ ранахъ изнывалъ,
А кто и раненъ не былъ, истерзался,
Весь въ атмосферѣ смерти изболѣлъ:
Онъ засыпалъ подъ грохотъ перестрѣлки,
И подъ тревогу приступа вставалъ;
Бокъ-о-бокъ съ нимъ стонали, умирая,
А онъ молчалъ и зналъ, что онъ такой же
Работникъ смерти въ станѣ лишь врага...

И звукъ трубы, блистающей и гулкой,
Игралъ отбой и приступъ, и тревогу,—
Отчетливо и весело игралъ.
Сама здѣсь смерть въ величіи являлась,
И не одна труба служила смерти
Съ увѣренностью полной: здѣсь не люди—
Герои были...

И предстала мнѣ
Иная скорбная картина. Тѣ же
Шинели, кэпи, ружья... но не въ битвѣ
Съ людьми: въ бою съ опаснѣйшимъ врагомъ.

Востока дальняго лѣса и степи,
И зиму въ нихъ суровую я видѣлъ.
Почти безъ битвъ край дальній завоеванъ;—
Идутъ полки назадъ; но Божьей волей
Край не извѣстенъ имъ, а вожака
Незнаніе иль...знанье ослѣпило,
И путь потерянь... Темныя трущобы
Стоять въ снѣгу, безмолвіемъ ужасны.
Лишь звѣря шорохъ, рѣдкій и зловѣщій,
Смущаетъ тишь. И звѣрь бѣжитъ солдатъ:
Ихъ слишкомъ много. Но не лучше звѣря
Глядятъ они горящими очами
На лицахъ, стужей страшно обожженныхъ
И исхудалыхъ,—и глядятъ со страхомъ,
Со злобой и безуміемъ глядятъ —
Другъ на друга глядятъ...—И несомнѣнно
То голодъ смотритъ...

А труба,
Стараясь ихъ ободрить, жалкій маршъ
Играетъ сипло, глухо на морозѣ.
И жалокъ звукъ. Но жадно музыканта
Уста, давно голодныя, сосутъ
Ея отверстие, тряпкой обмотавъ
На холодѣ остынувшую мѣдь...

Увы! труба умолкла. И молчали
Лѣса въ снѣгу. И звѣрь бѣжалъ далѣко.
А люди ѣли трупы—въ тишинѣ
Глухихъ лѣсовъ другъ друга пожирали,
И дикая тоска нѣмыхъ очей

Впивалась въ ликъ съѣдаемаго брата.
Немногіе спаслись. Живыхъ нашли ихъ,
Доставили на родину, но тамъ
Свела съ ума ихъ мысль о томъ, что ѣли...
Труба молчала. То не люди были—
То звѣри были...

И опять иное

Увидѣлъ я: кабакъ передо мною,
И въ немъ и чадъ, и топоть, и стенанья...
Въ углу, облипшемъ влагой испареній,
И водкою, и голодомъ пьяны,
Въ забвеньи дикомъ, съ радостію злобы
Ребенка бьютъ бродяга и солдатъ.
Одинъ рычитъ:—Тебя учу на скрипкѣ:
Вѣдь это хлѣбъ, а ты лѣнтяй и плутъ!—
Другой рычитъ:—Слуга царю я что ли,
Коль ты меня не хочешь почитать?!
Я николаевскій! Не безъ отмѣтинъ
Спина: и насъ бивали ненарокомъ!
А ты—мальчишка, стало быть, терпи!—
Ребенка бьютъ: давно молчитъ ребенокъ;
Онъ прежде плакалъ—нынѣ лишь молчитъ.

И съ нимъ труба молчитъ. Лежитъ на лавкѣ
Она, тускла, измята и грязна;
И прежній звукъ, героевъ ободрившій,
Извлечъ, увь! безсильна изъ себя...
И—люди ль здѣсь, иль звѣри—все равно ей!

Но нѣтъ, она играетъ. Я очнулся;

Труба, хрипя, играла въ самомъ дѣлѣ,
Хрипя, свистя и глухо задыхаясь,
За звукомъ звукъ плачевно выпирая:
То были звуки польки-фолишонъ...
А предо мной, на поднятой эстрадѣ
Плясали куклы бойко на шнурахъ...

И много рукъ, въ работѣ изможденныхъ,
Мозолистыхъ и вѣчно трудовыхъ,
Рукоплескало пляскѣ той веселой;
И много лицъ, и грубыхъ, и простыхъ,
Съ печатью горя, злобы и заботы,
Смѣялось ей открыто и свѣтло...

То было въ дни святаго воскресенья
Распятаго, поруганнаго слѣпо
И погребеннаго Христа...

УРОКИ МУЗЫКИ.

Памяти Клеймовича.

Въ томъ краю, гдѣ ссыльныхъ очень много,
Въ барскій домъ учитель музыки ходилъ.

Онъ училъ внимательно и строго;

Но способностей не много

Ученикъ его таилъ,—

Все твердилъ печально и убого:

— Чирикъ, чирикъ, гдѣ ты былъ?...

Терпѣливъ учитель былъ суровый:

Не промолвить жесткаго онъ слова,

Лишь ногою въ тактъ стучить отбой;

А услышитъ робкую ошибку,

Поспѣшитъ гримасу скрыть въ улыбку,

Дернетъ лишь болѣзненно губой...

Разъ стучалъ съ особенною силой

Онъ ногою согнутой объ полъ.—

И на станъ его, болѣзненный и хилый,

Взглядъ невольно мальчикъ перевелъ:

Словно былъ учитель весь подъ гнетомъ,
 Былъ разсѣянъ ко всему.
Повернувшись полнымъ поворотомъ,
Мальчикъ сталъ въ лицо смотрѣть ему:

Блѣденъ былъ учитель; словно въ лихорадкѣ,—
 Взоры ѣскрились его,
Волосы спадали въ безпорядкѣ;
 Онъ не видѣлъ ничего,
И съ какой-то грустью и тревогой
По лицу рукою проводилъ,
А ногой, забывчиво и строго,
 Отбивалъ мотивъ убогій:
— Чижикъ, чижикъ, гдѣ ты былъ?...

Мальчикъ все смотрѣлъ. И руки
Съ клавишей невольно онъ убралъ:
Столько мысли тайной, столько муки
До сихъ поръ ребенокъ не видалъ.
Но, не слыша музыки плачевной,
Вдругъ учитель вздрогнулъ, покраснѣлъ;
 Взглядъ блеснулъ досадою гнѣвной...
Но ребенка голосъ зазвенѣлъ:

— Вы больны, monsieur?—И дѣтское участие
Былъ monsieur не въ силахъ оттолкнуть:
Руку сжалъ онъ мальчику со страстью,
 Призадумался чуть-чуть,—
И съ загадочной улыбкой
Къ фортепьяно онъ присѣлъ,—

Пробѣжалъ по клавишамъ рукою гибкой,
Весь, какъ мраморъ, поблѣднѣлъ...

И ударили призывно
Звуки стройной чередой.
Въ нихъ величье было гимна:
Такъ предъ общемою бѣдой
На борьбу сзываютъ братья
Братьевъ близкихъ и сестеръ:
Жарки скорбныя объять,
И слезами блещетъ взоръ;
Но тверда рука, и очи
Не смигнуть передъ врагомъ...

Звуки дѣлались короче,
Накоплялись, словно громъ;
Въ нихъ дышало ужъ веселье
Грозной пѣснью торжества.
Мести злобное похмѣлье
Ихъ не спутало едва;
Вѣра въ скорую побѣду
Заблистала въ нихъ огнемъ,
И, подобно злomu бреду,
Раскатился гнѣва громъ...—

Былъ учитель въ изступленьи,
Словно злобы полонъ былъ.—
А въ очахъ молитвы и мученья
Затаилось упоенье.
И ребенокъ позабылъ,

Какъ фальшивилъ онъ съ терпѣньемъ:
— Чирикъ, чирикъ, гдѣ ты былъ?...

Оборвалъ учитель... Всталъ со стула,
Вновь ребенку руку тихо сжалъ;
На глазахъ слеза блеснула;
Онъ задумчиво сказалъ:
— Вотъ чѣмъ, мальчикъ, боленъ я. А впрочемъ
Мы съ тобой урокъ теперь отсрочимъ.
Если жъ то, что я игралъ сейчасъ,
Хоть чуть-чуть, мой милый, полюбилось,
Надо лишь, чтобъ сердце поучилось;
А рука какъ разъ
Эту штуку выполнить поможетъ:
Въ звуки душу переложить...
Ну, прощай!—Не даромъ ты твердилъ:
— Чирикъ, чирикъ, гдѣ ты былъ?...

Онъ ушелъ. Задумчивъ сталъ ребенокъ.
Много дней задумчивъ былъ...

Но разъ

Слышитъ онъ: въ гостинной, рѣзко-звонокъ,
Чей-то голосъ вѣлъ живой разсказъ:
— Слышали?—бунтуютъ, усмирили...—
А мамыши голосъ: — Да, да, да,
Какже, какже: вѣсти были...
Просто ужасъ!—Да бѣда—
Разскажу я, милая, вамъ больше:
Былъ у насъ учитель-музыкантъ —
Тоже онъ изъ Польши; —

Посудите, что за франтъ:
Скромень, тихъ, а пойманъ съ пистолетомъ:
За городъ бѣжалъ! Весь—музыка одна,
А туда же. Поразилъ отвѣтомъ:
«Быль бѣжать о б я з а н ъ»—вотъ тѣ на!—
«Наши бьются,—онъ твердилъ упрямо:—
«А за ними я хоть на разстрѣль...»
Ну, да генералъ помиловать хотѣлъ:
За него хлопочуть дамы:
Онъ у многихъ вѣдь училъ...—

Мальчикъ слушалъ. И угрюмѣй сталъ онъ;
Къ фортепьяно часто подходилъ,
И на немъ—зачѣмъ, не зналъ онъ—
Съ тихой грустью пальцемъ бралъ онъ:
—Чижи^ккъ, чижи^ккъ, гдѣ ты былъ?...

В р а г и.

Насъ взлелѣяло Сибири
Небо дальнее одно.
О, немногимъ въ цѣломъ мірѣ
Было дорого оно.
Но, кому оно такъ мило,
Какъ, быть можетъ, мнѣ съ тобой, —
Въ томъ одною больше силой,
Больше слабостью одной...

Дальній край нашъ былъ пріютомъ
Соплеменникамъ твоимъ;
Въ немъ они привыкли къ путамъ —
Пути сдѣлались по нимъ;
Въ немъ о нихъ таила слезы
Молодая грудь твоя,
Объ отчизнѣ падшей грезы
Опьяняюще тая.

И, Сибири сынъ достойный,
Я люблю свой край родной:

Видѣлъ я, что не спокойной
Лишь тюремною стѣной—
Суждено ей поневолѣ
Быть пришельцамъ въ ту тюрьму:
Въ ней щадятъ чужія боли
И въ свою не гонятъ тьму.

И любовь, и примиренье
Я несу изъ той страны
Всѣмъ, отмѣченнымъ гоненьемъ
По винѣ, иль безъ вины,—
Съ кѣмъ участіемъ, не кровью
Породнилась сердца кровь.—
И любовь моя любовью
Встрѣтитъ всякую любовь.

Но, больна своей отчизной,
Мстишь отчизнѣ ты моей.
Полной гнѣва укоризной
Стала боль души твоей...
Въ землякахъ рабовъ лишь видя,
Сердца местию не губи,—
И, скорбя и ненавидя,
Только мысли и люби!

Ряженые.

Посвящается Н. И. Бланку.

Въ купеческомъ домѣ далёкой Сибири
На Святкахъ всегда маскарадъ:
Для всякаго дверь отворяется шире,
Хозяинъ здѣсь всякому радъ.
Кто бъ ни былъ, лишь съ виду кажися приличень,
Да маску надѣнь,—и входи;
И, къ здѣшней свободѣ умѣло-привыченъ,
Веселье и плясъ заводи;

Ни лишняго слова, ни лишняго жеста,
Чужихъ, какъ знакомыхъ, морочь,—
И будетъ хозяйская дочка-невѣста
Съ тобой посмѣяться не прочь.
Разъ въ домѣ такомъ изъ чужой молодежи
Выходить одинъ молодёцъ:
Лицо подъ картонной малёванной рожей,
Одеждой—купецъ не купецъ;

Простой мѣщанинъ онъ, судя по кафтану,

Манерой, судя по всему,—
Не меньше быть надо, какъ штабсъ-капитану—
Притомъ—адъютанту ему:
Ужъ очень онъ ловко согнуться умѣетъ,
Военная жилка видна.
А взоръ изъ подъ маски угрюмо темнѣетъ,
Рука и тонка, и блѣдна...

Хозяйская дочка снимаетъ мантилью,
Садится онъ рядомъ на стулъ:
Зоветъ фортепьяно заняться кадрилию;
Поднялся предъ танцами гулъ.
Стоить у окна лишь безмолвная маска,
Какъ будто скрывая упрекъ.—
Хозяйка взглянула, и робкая краска
Сбѣжала невольно со щекъ.

—Товарищъ вашъ что-то угрюмъ и невеселъ,
Все смотритъ на насъ отъ окна,—
Слегка къ кавалеру склоняясь съ креселъ,
Опасливо шепчетъ она:—
Онъ смотритъ такъ зорко, и взглядъ такъ упоренъ:
Онъ словно за нами слѣдитъ...—
И, точно загадочной думѣ покоренъ,
Храня свой загадочный видъ,

Въ отвѣтъ кавалеръ улыбается дамѣ,—
Улыбка тиха и грустна.
А дама отвѣта все проситъ упрямѣй:
—Мосье,—любопытна она!

Что вашего друга молчаніе значить?
Не скажете вы? неужель?—
Но вотъ дирижёръ между парами скачетъ,
И грянулъ, какъ громъ, ригурнель.

И дѣвушка въ танцѣ забыла вопросы,
Склонясь къ кавалеру на грудь.
И, мягко взлетая, роскошныя косы
Коснулись маски чуть-чуть,
Пахнувъ мимолетнымъ своимъ ароматомъ
И мягкостью очи плѣня;
И вновь опустились по плечамъ покатымъ,
Ихъ блѣдность собой оттѣня.

И, вздрогнувши, сжалъ кавалеръ ея руки
И въ танцѣ понесся, скользя;—
И легкости въ танцѣ, въ пожатіи—муки
Ужъ выказать больше нельзя.
Проснулось въ немъ что-то, что спало недавно,
Жилъ чѣмъ-то былымъ онъ опять...
И дѣвушка тщетно старалася плавно
Искусству его подражать;

Была сибирячка слегка неуклюжа,
Но взоромъ и сердцемъ чутка,—
И, робость невольную вдругъ обнаружа,
Шепнула, смутившись слегка:
—Съ танцоромъ такимъ, безъ сомнѣнья, от-
личнымъ,
Не встрѣтится мнѣ никогда:

Мосье, вы мнѣ кажитесь, право, столичнымъ;
Вы были въ столицѣ вѣдь, да?

И, вѣрно, тамъ сердце оставили ваше?
Понятна мнѣ ваша печаль:
Тамъ, вѣрно, дѣвицы умнѣе и краше:
Оставить не даромъ ихъ жаль...
Скажите же мнѣ о столицѣ хоть слово,
О дамахъ ея напимѣрь...—
И, вспыхнувъ очами, потупилъ ихъ снова,
И тихо сказалъ кавалеръ:

— Оставьте столицу: я былъ тамъ недавно:
И въ свѣтѣ, и въ обществѣ былъ.
И все тамъ на мѣстѣ, и все тамъ исправно,
И я тамъ не все позабылъ...
О, дайте мнѣ вспомнить, какъ тамъ я кружился,
Жаль руки и вѣрилъ въ сердца:
Я съ тѣми руками на вѣки простился,
Чтобъ вѣрить въ сердца до конца!...

Чтобъ въ вашей странѣ, и глухой, и далекой,
Такія-жъ сердца находить
И, помня о нихъ,—все, что слѣпо-жестоко
Въ странѣ той—отъ сердца простить...
Лишь будьте безмолвнымъ участиемъ подобны
Всѣмъ тѣмъ, что встрѣчали меня...
Вы молоды сердцемъ, душою незлобны,
Какъ утро весенняго дня,

Пусть въ вашемъ веселіи сердце находитъ
Забвеніе въ послѣдній ужъ разъ...—
А дама все шепчетъ: — Но другъ вашъ не
сводитъ
Съ насъ мрачно-насупленныхъ глазъ.
И вы такъ печально, мосье, говорите...—
Мнѣ кажется, онъ вамъ злодѣй?!
— О нѣтъ, онъ мой другъ! Но довольно,
Простите...
Какъ онъ, вы жалѣйте людей,

Какъ онъ, потакайте капризу пустому,
Коль жизнь ихъ была не капризь
И горе настигло... А впрочемъ, до дому:
Пора намъ—небось заждались.—
И сжалъ онъ ей руку, и съ маской угрюмой,
За нимъ наблюдавшей, ушелъ.
А барышня долго, объятая думой,
Смотрѣла растерянно въ полъ:

Бесѣды той долго она не забудетъ
И глазъ этихъ, полныхъ тоски,
И долго пожатые ей чудиться будутъ
Изящной и блѣдной руки...
А тамъ на дорогѣ у дальней заставы,
Гдѣ лишній не видитъ ихъ взоръ,
Садился въ кибитку, съ солдатомъ направо,
Въ тулупѣ искусный танцоръ...

А тотъ, что злодѣемъ казался хозяйкѣ,

Въ кибитку переднюю сѣлъ,
Серdito прибѣгнулъ къ казачьей нагайкѣ,
Ямщикъ отъ нея закрихтѣлъ,
И тронулись кони. На холодѣ свистомъ
Унылымъ ямщикъ засвисталъ...
Искусный танцоръ сталъ опять—декабристомъ,
«Злодѣй» же фельдъегеремъ сталъ.

КНЯЗЬЯ.

Въ волненъи рѣдникъ Благодатскій:
Чего-то каторжники ждуть.
Не слышно пѣсни залихватской,—
Покрыль все говоръ пересудъ:
— Да, други, воля то Господня—
Господня воля—не своя:
На нашу каторгу сегодня
Придутъ работнички-князья.

А были въ Питерѣ изъ важныхъ,
Изъ первыхъ, стало быть, господь—
Не изъ чиновниковъ бумажныхъ:
Военный, слышно, все народъ!
Иные, братцы, генералы
И молодые господа,
А добрались и до опалы,
Дошли до экаго стыда!

Идутъ, идутъ!—И стихли рѣчи,
И, цѣпи медленно влача,

Согнувъ надломленные плечи,
Роняя съ тонкаго плеча
Сукно тяжелое шинели,
Въ лицѣ страданіе тая, —
Шли-приближались къ мрачной цѣли
Изнеможенные князья.

Сверкали ружьями солдаты,
И мѣрно звякнулъ ихъ прикладъ,
Когда взять кирки и лопаты
Остановился скорбный рядъ.
И руки блѣдныя сжимали
Орудій тяжкихъ рукоять,
На плечи молотъ опускали, —
И къ подземельямъ направляли
Князья шаги свои опять.

И вдругъ въ густой толпѣ рабочихъ
Внезапно пѣсня раздалась.
На запѣвалу поднялъ очи,
Его минуя, каждый князь:
То былъ разбойникъ знаменитый,
Давно въ работы, въ рудники
Отъ свѣта Божьяго укрытый
И тамъ не вѣдавшій тоски.

Могучъ въ плечахъ, кудрявъ и молодъ,
Онъ пѣсню русскую запѣлъ,
И, въ грудь ударивъ, словно молотъ,
Могучій голосъ зазвенѣлъ.

Дышала пѣсня та родная
Раздольемъ русскихъ деревень;
И память родины святая
Въ чертахъ князей легла, какъ тѣнь; —

И было въ тѣни той отрады
Такъ много тайной и живой...
И, на пѣвца поднявши взгляды,
Князья поникли головой.
И пѣлъ разбойникъ. Звуки ныли
И уходили въ небеса...
И дружно пѣсню подхватили
Другихъ рабочихъ голоса.

Ушли князья.—Небось въ Расеѣ,
Въ раздольѣ дѣдовскихъ полянъ
Была имъ пѣсенка милѣе
Отъ родовыхъ своихъ крестьянъ.
И здѣсь въ глазахъ то засіяло,
Когда ударилъ пѣсню я!—
Сказалъ разбойникъ-запѣвало.—
И пѣсня та съ тѣхъ поръ звучала,
Лишь появлялися князья.

Друзья шайтана.

Т а й ш а́—родовитый или чиновный человекъ.

Угрюмо завывла сердитая вьюга,
Въ степи Забайкалья траву наклона.
Укрылися въ юрты бурята съ испуга:
Суровою ночью ждуть яснаго дня.—
Не спится бѣднягамъ. Доѣли барана,
Всѣ кости сглодали, раздули костеръ...
— Шайтанъ расходился! О, бойтесь шайтана!—
Старикъ убѣждаетъ, потупивши взоръ:—

Вы слышите: плачетъ земля подъ ударомъ
Невидимыхъ, грозныхъ, хватающихъ лапъ...
А дружба съ шайтаномъ не кончится даромъ
Тому, кто до чаръ обольстительныхъ слабъ.
О если бъ вы видѣли, какъ поникаетъ
Подъ страшнымъ дыханіемъ слабый ковыль! —
О людяхъ же тѣхъ, что шайтанъ увлекаетъ,
Скажу вамъ не сказку, скажу я вамъ быль:

Я юнъ былъ въ ту пору, въ ту давнюю пору...
Созвалъ насъ всѣхъ русскій сердитый тайша,

Бурятъ молодыхъ по его приговору
Назначить улусъ нашъ былъ долженъ, спѣша,
Бурятъ побойчѣе:—вести по дорогамъ
Людей, что солдаты далѣко ведутъ.
Тѣ люди—сказалъ онъ—отвергнуты богомъ,
Узнали всю сладость шайтановыхъ путь;

Тѣ люди—сказалъ онъ — друзьями шайтана
Признали себя и служили ему,
И влекъ онъ, какъ лодку на мель средь тумана,
Въ неволю тюрьмы ихъ—сквозь злобу и тьму;
Тѣ люди—сказалъ онъ—на долгія муки
Смѣнили всю радость веселой души,
И раньше не знали заботы и скуки,
Владѣли рабами, и были тайши.

Пошелъ я вожатымъ. И много ихъ было:
Чудная одежда висѣла на нихъ;
Иные смотрѣли безсильно и хило,
И сила, и бодрость была у другихъ.
Но лица всѣ были усталы и блѣдны,
Хоть часто смѣялись и пѣли они:
Ужъ видно не скроешь—не будутъ безслѣдны
На службѣ шайтану тяжелые дни.

А много ихъ было! И страшно солдаты
Ихъ всѣхъ окружали. И самъ генералъ,
Чиновный тайша—я слыхалъ—и богатый,
Старикъ посѣдѣлый за всѣмъ наблюдалъ.
За ними въ повозкахъ ихъ ѣхали жены—

И ласковы были, тихи и добры...
И, этой-то лаской-добромъ обольщенный,
Я хуже шайтана боюсь съ той поры...

О, если бъ вы видѣли тихія очи,
О, если бъ вы слышали тихую рѣчь,
Съ какою на солнцѣ и въ сырости ночи
Старались мужей эти жены беречь...
О, если бъ вы видѣли взоровъ отраду,
О, если бъ вы слышали радость рѣчей,
Какой отвѣчали ихъ каждому взгляду
Глаза этихъ страшныхъ шайтана друзей...

И вы бы, какъ я, позабыли шайтана,
И вы бы, какъ я, къ нимъ поближе пошли,
И вы бы, какъ я, и охотно, и рьяно,
О жизни бурята разсказъ повели:
О ней ихъ разспросы такъ были упорны:—
Влекла ихъ къ бурятамъ шайтанова тьма!—
И вы бы, какъ я, съ ними сѣли позорно
Играть въ ту игру, что насъ учить ламà...

О, зорко я двигалъ по клѣткамъ фигуру,
Шайтана друзей я не разъ обигралъ...
И радъ былъ и счастливъ: смѣялся я съ-дуру,
Трепалъ по плечу ихъ и руки имъ жалъ...
А послѣ узналъ, что въ цѣпяхъ ихъ томили,
Гоняли подъ землю въ ней рыться, какъ кротъ;
Имъ даже особый острогъ возводили—
Туда ихъ и гнали, въ Петровскій заводъ!

Да, послѣ узналъ я... И вспомнилъ шайтана,
И былъ я испуганъ, и былъ я смущенъ...
Съ тѣхъ поръ словно ноетъ въ груди моей рана:
Едва лишь шайтанъ поднимаетъ свой стонъ,
И мчитъ, подхватя, его страшная вьюга,—
Я вижу тѣхъ женщинъ, тѣхъ блѣдныхъ людей—
Въ себѣ я боюсь шайтанова друга—
И кажется ночь мнѣ страшнѣй и темнѣй!

Н О Ч Л Е Ж Н Ы Й Д О М Ъ .

Памяти художника Калганова.

Кругомъ, оборванный и пьяный,
Расположился темный людъ:
Въ одномъ углу берѣдить раны,
Зловѣще сгорбленъ, желтъ и худъ,
Калѣка нищій: подаянье
За обнаженное страданье
Щедрѣй увѣчному даютъ.

Вотъ поднялася, и въ зѣвотѣ
Застыла женщина вдали;
Глазъ равнодушнѣй не найдете;
Темнѣя, вѣки облегли
Ихъ взоръ тупой, слезливо-влажный;—
Товаръ дешевый и продажный,
Черты и станъ ужъ отцвѣли.

За ней въ визиткѣ безобразной,
Съ ногами въ женскихъ башмакахъ,
Полулежить въ досадѣ праздной

Съ дрожаньемъ пьяницы въ рукахъ,
Съ нахальствомъ въ обликѣ небритомъ—
Ночной артистъ: угроза сытымъ
И бѣдняковъ осѣдлыхъ страхъ...

И, съ папиросой самодѣльной,
Тотъ, кто не сѣетъ и не жнетъ,—
Вездѣ зѣвающій безцѣльно
И всюду лѣзущій впередъ;
Не прочь заняться и работой,
Онъ побирается съ охотой
И голодаетъ безъ заботъ.

Не мало тутъ людей «безъ мѣста»,
Людей труда и ремесла:
Какъ прихотливая невѣста,
Ихъ оставляетъ безъ числа
Столица гордая за штатомъ,—
И по ночлежнымъ-то палатамъ
Не всѣмъ имъ мѣсто припасла...

Горитъ ночникъ, воняя, съ трескомъ,
Безсильно съ сумракомъ борясь,
И озаряя желтымъ блескомъ
Сосѣднихъ стѣнъ лишь гниль и грязь.
Кой-гдѣ скрипятъ гнилыя нары;
И духота, какъ чадъ угара,
Надъ соннымъ людомъ поднялась.

Сидитъ художникъ, о колѣни
Сгибая палку. Въ поставцѣ

Свѣча плыветъ, и ночи тѣни,
Сгустившись мрачно на концѣ
Непривлекательной палаты,—
Не въ силахъ скрыть его заплата
И хохотъ пьяный на лицѣ.

Сидитъ художникъ и безумно,
И горько грезить о быломъ:
Въ уѣз^дной школѣ игры шумно
Ведутъ ребята; крикъ и громъ:
Летятъ подъ лавку книги, перья..
И, вовсе чуждый лицемѣрья,
Смотритель пьяный надъ столомъ

Поникъ въ безсильи отупѣломъ;
А съ нимъ учитель молодой
Однимъ и тѣмъ же занять дѣломъ:
Съ упавшей низко головой,
Давя и рвоту, и изжогу,
Вино онъ тянетъ понемногу...
Непобѣдимою мечтой

Онъ далеко, и пьянымъ взорамъ
Иная школа говоритъ:
Ряды статуй по корридорамъ,
Профессоровъ серьезный видъ,
Толпы артистовъ прихотливой
Небрежно вскинутыя гривы,
И покровитель-сибарить,

Зашедшій важно въ эти стѣны;—

И онъ—искусства ученикъ,
Искусству жаждущій измѣны!...
Туда охотно бѣ онъ проникъ,
Но и погибнетъ онъ безъ вѣсти
Еще охотнѣй—въ жаждѣ мести
Тѣмъ, кто въ искусствѣ лишь великъ,

Чѣмъ не предстанетъ пьянымъ взорамъ
Во всемъ величьи тишины
Глухая степь съ ея просторомъ;
Предъ кѣмъ не встанутъ, словно сны,
Средь этой степи безконечной—
Цвѣты богатой, скоротечной,
Благоухающей весны,

Чтобъ увѣнчать страны забытой
Безсилье, мракъ, тоску и глушь;—
Кому и каторжникъ насытый,
И слишкомъ сытый сильный мужъ
Не угнетутъ души кошмаромъ...
О, съ дикой жаждою не даромъ,
Оборванъ, жалокъ, неуклюжъ,

Во власти тягостной запоя,
Искалъ въ столицѣ онъ притонъ
Съ толпой такого же покроя...
Таланта зовомъ увлеченъ,
Не даромъ несъ съ собой въ столицу
Видѣній дикихъ вереницу
И грудь, привыкшую свой стонъ

Дѣлить съ толпой въ ея паденьи,—
И въ немъ дѣлить толпы печаль...
И неотступное видѣнье
Стоить предъ нимъ: родная даль
Въ великолѣпьи дивной степи,—
И тяжкій звонъ тяжелой цѣпи,
Штыка блистающая сталь...

И новый гость въ ту даль родную,
Злой воли жалкій богатырь
Приноситъ жизнь свою больную
Въ ея привѣтливую ширь...
И взоръ художника сверкаетъ,
И средь ночлежниковъ ласкаетъ
Гостей въ родимую Сибирь...

С т а р ы й х р а м ъ.

Не знаю я, на сколько древенъ ты;
Но древности печать желалъ въ тебѣ узрѣть я
И изъ твоей поблекшей красоты
Воззвать къ бесѣдѣ темныя столѣтья...

Мнѣ въ строгомъ стилѣ слышались вѣка,
И, пусть недавно ты построень,—
Ихъ рѣчь, какъ правда, глубока,
Твой видъ,—какъ истина, спокоень...

Въ высокихъ башняхъ, тонкихъ и простыхъ,
Въ суровыхъ сводахъ, вытесанныхъ строго,
Кудрей я русскихъ видѣлъ много
И взоровъ сѣро-голубыхъ...

Я видѣлъ край, куда они завоеваньемъ
Несли и вольный трудъ, и вольную борьбу,
Гдѣ передъ грубымъ изваяньемъ
Слагали горе и мольбу.

И пусть, о храмъ, недавно ты построень,—

Былаго славной красоты
Тобою смыслъ вполнѣ усвоенъ:
Ты стилемъ старъ,—и рушишься ужъ ты!

И, видя плесень въ бревнахъ неподѣмныхъ
И въ мощныхъ связяхъ зрѣющую гниль,—
Читалъ въ твоихъ углахъ я темныхъ
Родной Сибири тягостную быль...

26 октября 1881.

Ужъ триста лѣтъ, какъ сынъ опальный
Россіи—въ дальній край пришелъ,
И въ немъ обрелъ конецъ печальный
И славу громкую нашелъ...
И краемъ тѣмъ Москвѣ спѣсивой
Челомъ ударилъ...Но рѣка
Сибири мстительно-ревниво
Взяла навѣки Ермака.

И изъ наслѣдія опалы
Нашъ край опалы сталъ страной:
Сердечъ не мало припадало
Ко груди чуждо-ледяной...
Не зная къ ней любви, быть можетъ,
Они согрѣли эту грудь:
Ермакъ не вѣдалъ, что проложитъ
Для Достоевскаго онъ путь...

Тотъ путь проложенъ имъ широко
Тяжелъ и дологъ онъ, пускай.—
По немъ дѣтей своихъ съ востока
На западъ шлетъ далекій край.....

На вершинѣ Урала.

За шагомъ шагъ выносятъ кони
На высь уральскаго хребта...
Смолистыхъ лѣса благовоній
Полнà подъема высота.
А тамъ, внизу—къ родной Сибири
Сбѣгаетъ моремъ темный боръ
И вдаль уходитъ шире, шире,
Сжимая грудь, чаруя взоръ...

И долго я стою безмолвно
На грани родины моей;
И дышетъ грудь глубоко, ровно,
А на душѣ все тяжелѣй:
Какъ будто воздухъ этотъ чуждый,
Какъ будто этотъ чуждый видъ—
Когда душѣ темно и трудно,
Дышать свободнѣе велить...

Какъ будто шепчетъ онъ: возьми же
Дыханье горъ и лѣса въ грудь,—

Тогда спустись туда, гдѣ ниже
Въ столицу вьется дальній путь:
Пусть будетъ тамъ для груди больно,
Пусть будетъ тяжело для души—
Дыши, какъ здѣсь: глубóко, вольно,
До слезъ страданія дыши!...

Семейная сцена.

Посвящается М. Н. Харузину.

Европа—Азія.

Пограничный столбъ.

Европа, Азія! Знакомыя два слова,
На этомъ рубежѣ звучите вы мнѣ ново:
Какъ будто бы впервые кинутая мать
Сошлась съ наставницей ребенка приласкать,
И, грубая, въ своей одеждѣ немудреной,
Стоитъ она предъ ловкой, выхоленной бонной,—
Не видитъ ничего въ забвеньи впереди,—
Спѣшитъ прижать ребенка лишь къ груди.

А вышколенный сынъ, смущенъ ея костюмомъ,
Ея лицомъ, пугливо-грустнымъ и угрюмымъ,
Упасть въ родимыя объятія и радъ,
Да все косить на бонну робкій взглядъ,
Ребенка бонна бы и рада понаставить,
Какъ бѣды матери и горести исправить,
Какъ свѣтлый лучъ извлечь изъ темнаго лица,—

Да ждетъ согласія безмолвнаго отца,
Да труситъ педагоговъ сумрачныхъ и рьяныхъ,
Его друзей—и званыхъ, и незваныхъ...

Не скоро мать мою съ тобой она сведетъ,
О мой отецъ, о русскій мой народъ!...

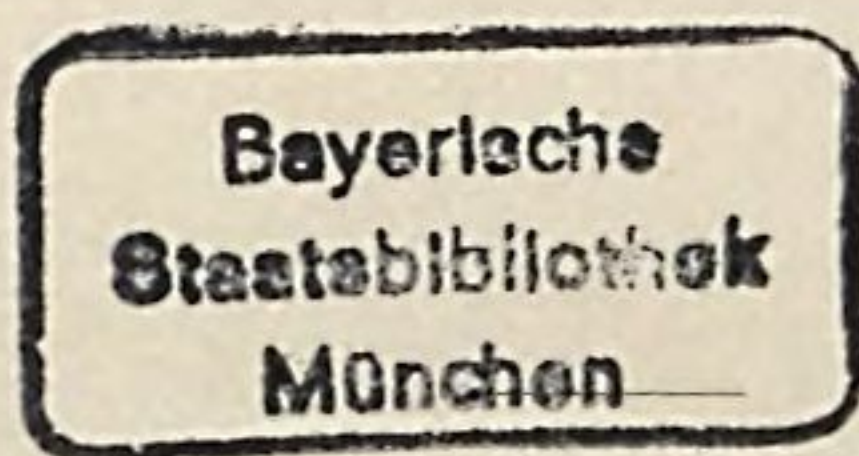
ПѢСНИ О СИБИРИ.

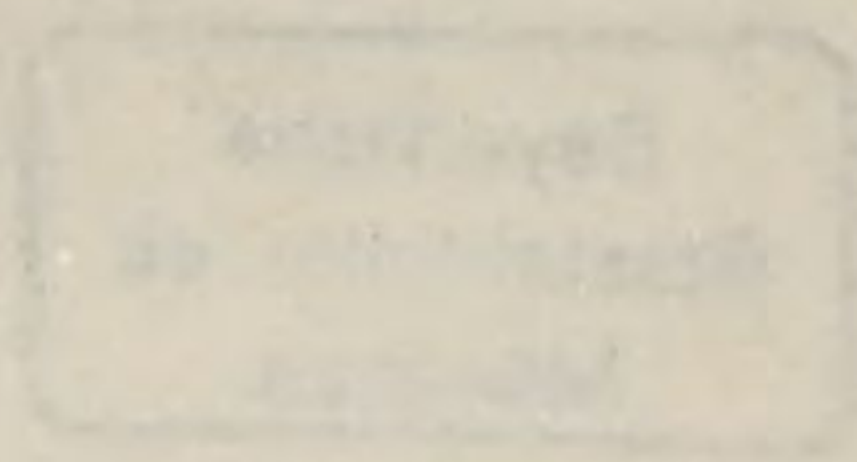
Я пѣлъ ихъ,—и въ темные хвѣи
Я лиліи стебель вплеталъ,—
И, душу глубоко настроивъ,
Себѣ съ изумленьемъ внималъ:
Я родину пѣлъ,—и въ той пѣснѣ
Природа въ красѣ вѣковой
Явилася мнѣ,—и прелестнѣй
Темнѣль подлѣ лиліи хвой...

Но въ темномъ его ореолѣ
И въ лиліи яркомъ цвѣтѣ —
Невзгода людей поневолѣ
Встрѣчала поэта мечту:
Являла такъ больно-упорно
Все къ родинѣ той же любовь
Мнѣ въ хвоѣ—подобіе тёрна,
Въ алѣющей лиліи—кровь...

На родину горестно свитый
Вѣнокъ возложить я лишь могъ...

Читатель суровый, рѣши ты,
Къ лицу ли ей этотъ вѣнокъ?
И есть ли чему приглянуться
Въ убогихъ лицѣхъ и вѣнкахъ?—
И хочется ль къ нимъ протянуться
Твоей равнодушной рукѣ?...

П р и м ѣ ч а н і я .

Пѣсни о Сибири обязаны своимъ появленіемъ личнымъ впечатлѣніямъ автора отъ природы родной страны, его столкновеніямъ, встрѣчамъ, или постороннимъ разговорамъ въ той же родной обстановкѣ, среди той же родной природы... Поэтому въ основѣ почти всѣхъ пьесъ лежитъ истинный фактъ; фантазія автора работала въ частности; тема же, и нерѣдко сюжетъ, давались жизнью... Такимъ образомъ, ни одно стихотвореніе, въ строгомъ смыслѣ, не можетъ быть названо сочиненнымъ, придуманнымъ. Если же, кромѣ сюжета и его обработки, въ нѣкоторыхъ пьесахъ является тенденція, то она—невольный плодъ впечатлѣнія факта. Менѣе всего руководился авторъ намѣреніемъ притягивать факты для иллюстраціи предвзятыхъ мыслей; менѣе всего считаетъ онъ послѣднее дѣломъ искусства; болѣе всего боится резонерства въ лирикѣ, да и во всемъ, что касается поэзіи. Другое дѣло, когда фактъ даетъ мысль, мысль зажигаетъ чувство, и тамъ, гдѣ человѣкъ могъ бы только разсуждать,—онъ страдаетъ, дѣлается лирикомъ: избѣжать этого въ наше время едва ли возможно... Вся отвѣтственность въ такомъ случаѣ на талантѣ: онъ одинъ въ состояніи сохранить на бумагѣ поэзію чувства, присвоенную мыслью въ душѣ человѣка...

Считаю не лишнимъ сказать нѣсколько словъ по поводу фактической подкладки нѣкоторыхъ пьесъ.

— Ледяное озеро, не оттаявшее и въ ту пору, когда распустилась окружающая зелень, а на хвояхъ не осталось ни

одной снѣжинки,—встрѣчено авторомъ въ іюнѣ близъ сліянія рѣкъ Лены и Витима.

— И д о л ы въ видѣ шкуръ, череповъ и т.п. среди обстановки сибирскаго лѣса еще въ дѣтствѣ поражали воображеніе автора.

— Х а м а р х а н ъ—личный знакомецъ автора, и въ пьесѣ рассказаны, равно имѣвшія мѣсто въ дѣйствительности: первое знакомство съ нимъ автора въ дѣтствѣ и встрѣча въ прошломъ году, почти черезъ 15 лѣтъ.

— О Д о ч е р я х ъ М у н к ѵ, ихъ пѣніи и о приблизительномъ содержаніи пѣсни авторъ слышалъ отъ того, къ кому была обращена эта пѣсня. Имя Мункѵ сообщено тѣмъ же лицомъ.

— В о с п ѣ в а н і е б у р я т о м ъ, такъ сказать, текущихъ событій и впечатлѣній не разъ было наблюдаемо авторомъ. Сравненіе росы на зеленомъ (на травѣ) съ искрой на черномъ (на угляхъ) переведено автору бурятомъ, пѣвшимъ на своемъ языкѣ эту «элегію въ двухъ строкахъ».

— С о д е р ж а н і е О м о р ѵ ч и навѣяно двумя тунгусами, явившимися на пароходъ, на Ленѣ, продавать рыбу, и жадно накинувшимися на водку. Разсказъ о борьбѣ съ медвѣдемъ принадлежитъ старшему изъ нихъ и вызванъ разспросами о его поврежденномъ глазѣ... Весеннія ночи на Ленѣ гораздо свѣтлѣе «бѣлыхъ» ночей Петербурга.

— Н а у р г о н а х ъ — вызвано разсказомъ одного сибиряка о подобныхъ походахъ дѣтей, особенно распространенныхъ за Байкаломъ. Корень сараны — одно изъ любимыхъ лакомствъ дѣтей. Дружеское сліяніе великоруссовъ и бурятъ замѣчено авторомъ въ степи между Иркутскомъ и Качугомъ; тамъ авторъ наблюдалъ и случаи предпочтенія русскими бурятскаго языка. Самоубійство полевыхъ мышей посредствомъ удавленія въ вѣтвяхъ жесткихъ травъ замѣчено въ Сибири народомъ и

толкуется имъ, какъ слѣдствіе огорченій. Мѣстные же зоологи объясняютъ это массовыми переселеніями мышей, во время которыхъ маленькія животныя нечаянно попадаютъ, какъ въ капканъ, въ рогульки, представляемыя стеблями и вѣтвями жесткихъ травъ.

— Бесѣдовать съ Сыномъ дезертира и испытать грустную развязку этой бесѣды довелось автору на Ленѣ, въ пристани города Кіренска.

— Три послѣдующихъ пьесы написаны подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ приленскаго русскаго населенія. Это населеніе обязано, конечно за условленную съ казной плату, содержать почтовые лодки (7 — 9 человѣкъ каждая) и давать по водѣ гребцовъ, противъ воды лошадей и людей для бичевника и управленія лодкой. Взрослые обыкновенно управляютъ лодкой — дѣло, въ виду множества мелей по Ленѣ, сложное — юноши же, дѣвушки и часто дѣти управляютъ лошадьми. Населеніе это, вѣроятно, и существуетъ спеціально для поддержки почтоваго тракта. Суровость и безлюдность края, бѣдность почвы и отсутствіе заработковъ ставятъ этихъ людей въ полную зависимость отъ почтовой повинности. Худое питаніе и вліяніе нездоровой воды ленскихъ притоковъ дурно дѣйствуетъ на ихъ организмъ и весьма часто украшаетъ ихъ зобами. Какъ контрастъ этому жалкому, худосочному люду вспомнилось автору его посѣщеніе Кавказа, вспомнились горцы, Терекъ... Явилось невольное сравненіе Двухъ Рѣкъ... Напомнили Кавказъ, представъ предъ авторомъ, и грозныя Ленскія Щеки («Щеки» въ Сибири — вообще прибрежныя скалы), мимо которыхъ съ благоговѣніемъ, не рѣдко съ молитвою проходятъ рабочіе на баркахъ, даже на пароходахъ. Бесѣдующіе о Павозкѣ, конечно, созданы воображеніемъ автора; но рѣчь парня почти цѣликомъ принадлежитъ такимъ же парнямъ, говорившимъ съ нимъ, доставляя его отъ станціи до станціи. Павозокъ же, во время своего плаванія по этимъ

погребеннымъ въ дебряхъ жалкимъ деревушкамъ, является, особенно для женщинъ, дѣйствительно событіемъ.

— Авторъ—одинъ изъ тѣхъ «дѣтокъ», которыхъ увезли, много лѣтъ тому назадъ, отъ Сахарбея въ Россію. Стихотвореніе—въ полномъ смыслѣ фотографія.

— Б о ч к а—есть подражаніе ходящей по Сибири полународной пѣснѣ. Типическій варіантъ этой пѣсни можно найти у С. В. Максимова: «Сибирь и Каторга» т. I, приб. 1-е, стр. 410, изд. 1871 г.

— Пять первыхъ пѣснь изъ золотопромышленнаго міра основаны на разказахъ людей этого міра, слышанныхъ авторомъ въ Олѣкминской тайгѣ — золотопромышленной мѣстности въ системѣ рѣки Олѣкмы и ея притоковъ. Здѣсь будетъ кстати упомянуть всѣ значенія слова та й г а въ Сибири. Первоначально та й г а значитъ—дикій, непроходимый лѣсъ; потомъ это названіе переносится вообще на всякую дикую, преимущественно лѣсную, мѣстность; затѣмъ въ частности—именно на золотопромышленную мѣстность, которая обыкновенно почти всегда и бываетъ гористой, лѣсной, дикой; наконецъ та й г о й называютъ людей, долго пробывшихъ на золотыхъ пріискахъ, или на поискахъ золота,—прибавляя обыкновенно въ этомъ случаѣ «старая» тайга: Я, братецъ мой, —старая тайга!—часто можно услышать отъ такихъ людей. Я предпосылалъ стихотвореніямъ то значеніе слова, которое въ данномъ случаѣ подходило.

Нахожу здѣсь не лишнимъ пояснить точнѣе и слово з а б о й. Въ Олѣкминской тайгѣ работы ведутся двояко: 1) «разрѣзомъ» — когда на извѣстномъ протяженіи, и не на особенно большую глубину, снимается весь пластъ «торфовъ» (не содержащихъ золота породъ земли), и выбираніе «песковъ» (содержащихъ золото породъ) ведется открыто, и 2) «шахтами»: пробивается вертикальный колодезь, иногда на весьма

значительную глубину (до 30 сажень); отъ него ведутся въ область «песковъ» горизонтальные корридоры—«орты», изъ которыхъ и вынимають «пески» для промывки, поднимая ихъ вверхъ посредствомъ вѣрота, бадьями: вотъ именно тѣ мѣста, тѣ края земляныхъ пластовъ въ «разрѣзѣ» и въ «шахтѣ», которые отбиваются кайлами и заступами, называются **з а б о е м ѣ**.

— **П а т р у ш е в у** и **В а н ь к ѣ** **З а п ѣ в а л ѣ**, по прозванію Нижегороду, сохранены ихъ собственныя имена. Патрушевъ, бывшій конюхъ на пріискѣ, вѣроятно здравствуетъ и теперь; оттѣнокъ молодцоватости и удали, вся его внѣшняя исторія конюха и спиртоноса, и общая картина спиртоношества—не есть изобрѣтеніе автора. Эта оригинальная контрабанда вызывается монополіей пріисковаго хозяина имѣть вино. Рабочій, истощенный тяжелымъ трудомъ и одурѣвшій отъ однообразія и скудости таёжной жизни, охотно набрасывается на каждый к р ю ч ё к ѣ—старинное названіе подобія шкалика... Этимъ и пользуются такія села, какъ Витимъ,—жители которыхъ, ничего не дѣлая, живутъ исключительно спайваніемъ и грабежемъ идущихъ на пріискѣ и возвращающихся оттуда рабочихъ: недаромъ народъ прозвалъ этихъ деморализованныхъ простолюдиновъ Витимскими «дворянами».

Случай съ **З а п ѣ в а л о й** переданъ мнѣ тѣмъ пріисковымъ начальствомъ, крики котораго едва спасли забывшихся рабочихъ отъ опасности быть увлеченными паровикомъ въ пропасть.

— Добыча «старательскаго», добровольно, внѣ общихъ работъ найденнаго рабочими, золота изъ осребокъ идущей на сломъ **С т а р о й** **К а з а р м ы** произошла одновременно съ пребываніемъ автора на пріискѣхъ.

— Плачевно кончившійся опытъ созданія **Т а ё ж н о й** **о п р и ч и н ы** изъ ссыльныхъ горцевъ, по мѣстнымъ рассказамъ,

былъ произведенъ на одномъ изъ пріискѣвъ Олѣкминской тайги. Конечно, послѣ первыхъ же схватокъ рабочихъ съ черкесами — послѣднихъ успѣшили удалить, снова довѣрясь простымъ казакамъ, которые съ рабочими за панибрата и твердо знаютъ истину: рука руку моетъ.

— О существованіи обычая предавать старую одежду А у т о д а ф е послѣ выхода съ пріискѣвъ—сообщено автору однимъ старымъ горнякомъ, бывшимъ за Байкаломъ, гдѣ существуетъ этотъ обычай.

— П е р в ы й С п а с ѣ и Н о в о с ѣ л ы —путевыя впечатлѣнія автора.

Коневодство по Барабѣ извѣстно всякому, ѣзжавшему вольной крестьянской почтой, «на дружкѣхъ: отъ дружкѣ къ дружкѣ», по этой, обильной травами, степи. 1 августа—Первый Спасъ считается праздникомъ, посвященнымъ именно этому главному мѣстному промыслу.

Прошрое лѣто было замѣчательно какъ обиліемъ дождя въ Восточной Сибири, губившаго дороги, травы и хлѣба, такъ и обиліемъ переселенцевъ изъ Малороссіи. Ихъ направляли большею частію на Амуръ. Много претерпѣли они во время пути...

— Н е п о м н я щ і е рассказъ лица, которому посвящены.

— А м у р с к а я т р у б а во всей своей реальной части—фактъ, бывшій съ авторомъ на прошлой Святой Недѣлѣ. Грезы же, разумѣется—грезы... Впрочемъ, вторая греза основана на упорныхъ слухахъ... Можетъ быть, они проникли и въ печать: съ литературой исторіи завоеванія Амура авторъ мало знакомъ.

— У р о к и м у з ы к и —воспоминаніе дѣтства автора, которое совпадаетъ по времени съ бунтомъ поляковъ за Байкаломъ въ концѣ 60 хъ годовъ.

— Р я ж е н ы е, К н я з ь я, Д р у з ь я ш а й т а н а — мѣстные анекдоты о декабристахъ. Подтвержденіе имъ у С. В. Максимова: «Сибирь и Каторга» т. III, гл. 2, изд. 1871 г.

Стр. 158:

„Въ одномъ городѣ Вятской губерніи одной партіи (декабристовъ) сдѣлали обѣдъ и балъ; другая партія сама воспользовалась послѣднимъ уже въ Сибири. Видя освѣщенные окна и соблазненные до-летавшими до слуха музыкальными звуками, четверо товарищей под-говорили фельдъегеря нарядиться ряжеными, — въ видѣ медвѣдя съ ко-зой и проводниками, — пришли на вечеринку, потанцовали, поужинали и, оставивъ хозяевъ въ недоумѣніи объ отличныхъ пришлыхъ тан-цорахъ, опять надѣли кандалы и поѣхали дальше на каторгу“...

Стр. 163:

„Знаменитый разбойникъ, красивый богатырь Орловъ всякій разъ при приближеніи «князей» запѣвалъ съ товарищами звучнымъ и се-ребристымъ голосомъ заунывную пѣсню, предъугадывая мысли и пере-нося слушателей въ далекую покинутую родину... «Князьями» назы-вали декабристовъ потому, что во многихъ партіяхъ были князья“...

Стр. 213:

„Проводниками (черезъ степь въ Петровскій заводъ) служили бу-рята, которыхъ исправникъ успѣлъ предъувѣдомить въ томъ, что идутъ злые люди, знающіеся съ шайтаномъ и за то сосланные въ неволю“...

Стр. 214:

„Когда двое шахматныхъ игроковъ сѣли (во время пути) за столъ, ихъ окружала толпа бурятъ: восклицаніями и указаніями убѣждали въ томъ, что эта игра имъ хорошо извѣстна... Одинъ зайсанъ изъ свиты тайши...объяснилъ, что игра перешла къ нимъ отъ Китайцевъ...“

Буддистскіе ламы — главные проводники къ бурятамъ все-го, что идетъ отъ Китайцевъ... Генералъ, сопровождавшій одну изъ партій въ Петровскій заводъ, главный приставъ — Лепарскій.

— Рисунки глубоко даровитаго и не менѣе глубоко несча-стнаго, въ ранней молодости погибшаго, художника Калганова, изображающіе Н о ч л е ж н ы й д о м ъ, гдѣ проводилъ худож-

никъ свои ночи въ Москвѣ,—породили стихотвореніе этого названія.

Уроженецъ Западной Сибири, художникъ былъ найденъ въ захоlustы какимъ-то мѣстнымъ начальствомъ и, въ качествѣ «таланта», опредѣленъ учителемъ рисованія въ одну мѣстную школу. Впослѣдствіи ему доставили возможность пробраться въ Москву и брать уроки у одного изъ извѣстныхъ здѣшнихъ жанристовъ, спеціально посвятившихъ себя Малороссіи... Но Бахусъ побѣдилъ...

Рисунки его—большею частію каррикатуры—дышутъ мощью глубокаго жанра и преувеличеніями не менѣе глубоко надорванной натуры. Замѣчательна также по экспрессіи его статуетка Плюшкина: покойникъ былъ страстный почитатель и мастеръ воспроизводить и понимать Гоголя.—И рисунки, и статуетка въ частныхъ рукахъ.

—Старый храмъ—деревянная монастырская церковь въ Кіренскѣ на Ленѣ. Тамошніе монахи сообщили мнѣ, что ей не болѣе 130 лѣтъ. По виду и стилю, она и грубое деревянное распятіе, находящееся въ ней,—древнѣе...

К О Н Е Ц Ъ.

ВАЖНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ.

<i>Стран.</i>	<i>Стр.</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Должно читать:</i>
X	1 сн.	ея.	ея
21	8 св.	А по деревьямъ тяж- кій и широкій	А по деревьямъ, тяж- кій и широкій
23	1 »	воробы.	воробы,
—	4 сн.	грубо.	грубо,
34	~~19~~ св.	усы.	усы,
—	2 сн.	догору	догору
39	4 »	бурана.	бурана,
43	~~5~~ св.	Русскіе	Русскія
47	1 »	станъ	станъ;
—	~~9~~ сн.	Ребенокъ	Ребенокъ
50	6 »	ними	ними
56	4 св.	взглядъ	взглядъ.
57	2 »	глядя	глядя
62	3 »	незнаемъ	не знаемъ
67	2 »	рѣка	рѣки
107	13 »	Ломало	Ломала
174	~~8~~ »	уѣзной	уѣздной
182	4 ~~сн.~~	взглядъ,	взглядъ.
189	6 ~~сверху~~	частностяхъ,	частностяхъ;

НВ. Ошибка въ нумераціи страницъ (вм. 135 нужно 127 и вм. 152—142)—по винѣ корректора.

FÖRDERUNGSWERK
st.nikolaus
BERUFSBILDUNGSWERK
8871 DÜRDLAUNGEN

Micheev, Vasilij Michajlovič

Pěsni o Sibiri

Moskva 1884

P.o.russ. 91 a

urn:nbn:de:bvb:12-bsb11680356-5